

ИГОРЬ МОСКВИН

**Петербургский сыск.
1873 год, декабрь**

Игорь Москвин
**Петербургский сыск.
1873 год, декабрь**

«Издательские решения»

Москвин И. В.

Петербургский сыск. 1873 год, декабрь / И. В. Москвин —
«Издательские решения»,

В ночь на 17 декабря в Невском переулке убит неизвестный. На месте происшествия найдена трость с секретом — лезвие скрыто внутри, и им был убит чиновник. Следствие ведёт Иван Дмитриевич Путилин, первый начальник сыскной полиции Санкт-Петербурга. Во время описанных событий он седьмой год занимает должность. Итак, первые шаги пройдены...

© Москвин И. В.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Иван Дмитриевич Путилин...	6
Глава вторая. К чему приводят ночные прогулки	13
Глава третья. Прерванный сон в зимнюю ночь	17
Глава четвертая. Пробуждение молодого повесы	23
Глава пятая. Следствие в начале пути	26
Глава шестая. Светская беседа в комнате допросов	33
Глава седьмая. Наставления воскресного дня	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Петербургский сыск. 1873 год, декабрь

Игорь Владимирович Москвин

© Игорь Владимирович Москвин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава первая. Иван Дмитриевич Путилин...

Иван Дмитриевич Путилин, сын небогатого коллежского регистратора, волею судеб, а больше природной сметливости и железной хватке, ставший недавно статским советником и семь лет тому начальником сыскной полиции столицы Российской Империи, сидел за большим столом морёного дуба в кожаном кресле, отороченном полосками бархата, и писал срочную депешу всем полицейским частям и участкам Санкт—Петербурга о задержании некоего господина, на миг задумался, кинул задумчивый взгляд на окно соседнего дома, которое видно сквозь неплотно прикрытые шторы, и вписал фамилию. Ежели буде тот обнаружен в городе, напоследок пронеслось в голове.

По другую сторону стола на стуле коричневого шёлка с высокой резной спинкой сидел помощник начальника сыскной полиции Михаил Силантиевич Жуков, или просто Миша, молодой человек двадцати трёх лет. Невзирая на молодость, были у него врождённое чутье, медвежья хватка и сообразительность, что должны быть присущи чиновникам, поставленным на страже закона, чтобы за каждое свершённое злодеяние преступник, кем бы он ни был, понёс заслуженную кару.

Иван Дмитриевич протянул депешу. Миша уже на ногах.

– Какие будут поручения?

– Сначала отправь, – указал рукой на дверь, иди, мол, и придвинул к себе новый лист с гербом в верхней части.

Когда Миша закрыл за собою дверь, Путилин сделал попытку скрыть раздражение и поднялся с кресла, с шумом отталкивая его, оно несчастное едва не падает на пол. Начальник сыска подошёл к окну, сквозь щель между шторами посмотрел на жизнь столицы. Вот там идёт лоточник, выкрикивая хвалу своему незаменимому товару, хотя не слышен его голос, голова занята иным. Вот цокая железными подковами, пробегает лошадь, понукаемая извозчиком, спешащим доставить нетерпеливого седока, вот идут по спешным или неспешным делам люди, однако Ивану Дмитриевичу нет дела до этого суетливого бытия, им завладело другое. Дело, что давно тревожит, занимает всё время, вопреки сложившемуся правилу, не оставлять без присмотра ни единого злодейского происшествия в столице.

В дверь раздался дробный стук, сперва Путилин не отвечал на него, но спустя полминуты раздался повторный, но уже более настойчивый.

– Войдите, – повышая голос, чтобы услышали за дверью, произносит он.

В кабинет, шелкая каблуками по дубовому паркету, входит дежурный чиновник с военной выправкой штабс—капитан Орлов, бывший командир роты в пехотном полку.

– Господин Путилин, – начинал с официального приветствия, – в дежурной комнате молодой человек хочет заявить о свершённом преступлении только вам.

– Что за человек?

– Мне кажется, он не в себе, на улице двадцатиградусный мороз, а он в лёгком пальто.

– Половина столицы одета не по зимней погоде.

Дежурный чиновник на миг смутился.

– Что с ним ещё не так?

– Болезненная бледность и какой—то безумный взгляд...

– Ладно, зови, – махнул рукой и пошёл к своему горемычному креслу, едва не пострадавшему от начальственного невоздержанного поведения.

Через несколько минут, в течении которых он собрал бумаги на столе в одну стопку, раздалось несколько ударов и распахнулась дверь. Дежурный чиновник вошёл первым, обернулся к молодому человеку и произнёс:

– Проходите, господин Путилин, вас ждёт.

Порог переступил высокий болезненного вида человек, двадцати двух – двадцати трёх лет. Сразу бросилось в глаза его узкое удлинённое лицо со впалыми щеками, бледными до прозрачности с чёрными пробивающимися волосами на подбородке. Карие глаза с какой—то поволокой смотрели из—под длинных ресниц.

– Добрый день! – поздоровался начальник сыска после повисшего в кабинете неловкого минутного молчания.

Дежурный чиновник вышел и тихо прикрыл за собою дверь.

– Что вас привело ко мне? – он вновь нарушил молчание.

Молодой человек, в самом деле, был не в себе. Наконец, он опустил правую руку в отвисший карман серого суконного пальто и сделал несколько шагов, остановившись только тогда, когда его путь преградил стол.

– Арестуйте меня, – совсем тихо выдавил он из себя.

– Простите? – Иван Дмитриевич не совсем уловил его слова и хотел убедиться в истинности произнесённой речи.

– Я – убийца.

– Садитесь, – указал рукою на стул и продолжил, – как мне к Вам обращаться?

– Важно не имя, а то, что я совершил злодеяние, которое жжёт меня изнутри, – он указал рукой на грудь, – больно вот тут.

– И когда Вы его совершили?

– Два дня тому, – он хотел достать что—то из кармана, но его попытки были тщетны. Пока, наконец, он не сжал обескровленные губы, нахмурил и без того пересечённый глубокою морщиной лоб, взял себя в руки и положил на стол трёхвершковое толстое металлическое кольцо. – Вот этим я ударил Катю.

– Где произошло печальное событие?

– У Николаевского моста.

– Что же там с вами стряслось?

– Разрешите присесть?

– Будьте любезны.

Молодой человек опустился на стул, словно внезапно обессилел.

– Так о чём это я? – он поднёс руку ко лбу. – Ах да, меня зовут Василий Осипов, с детства Васенькой кличут. Извините, но скажите, о чем это я? Да, да, Николаевский мост, два дня тому. Вы простите, но я плохо себя чувствую, знобит что—то.

– Может быть, Василий, вам надо отдохнуть?

– Нет, нет, я должен вам всё рассказать. Два дня тому моя любезная Катя сказала, что не будет больше жить со мною. Это как удар среди ясного неба. Я был расстроен, схватил первое попавшееся под руку и ударил её в висок. Она так бедняжка и обмякла. И чтобы она никому не досталась, я её в прорубь.

– Василий, вы говорите два дня прошло.

– Два, точно два. Я эти дни по городу ходил, с собаками спал, чтобы теплее было. И кольцо в кармане таскал, боялся к нему прикоснуться, даже когда руки мёрзли, в карман не опускал.

– Как фамилия Кати?

– Не помню, – он поднял руку с отогнутыми двумя пальцами, – два дня силился вспомнить, но никак. Словно кто стёр.

– Понятно, – Иван Дмитриевич дёрнул шнурок, закреплённый у правой ножки стола, чтобы вызвать дежурного чиновника, тот не заставил себя ждать. Явился через полминуты.

– Отведи Василия Осипова в камеру, – распорядился Путилин, – и позови мне кого—нибудь из агентов.

– Так точно.

– И повнимательнее, – указал глазами на молодого человека, – пусть отдохнёт и отогреться от зимней стужи.

Чиновник взял под руку Осипова.

– Пройдёмте.

– Да, я готов.

Когда Путилин остался в одиночестве, возникли мысли: правду говорит назвавшийся Василием Осиповым молодой человек или наговаривает на себя в болезненном приступе? Заявлений о пропаже девиц не поступало, хотя, если они жили вместе, то кто ж заявление подаст, кроме самого убийцы? А почему собственно я называю его душегубом? Оснований нет, поэтому надо сперва проверить, а уж потом и решение принимать.

В очередной раз дверь кабинета испытывается на стойкость, раздались громкие удары.

– Войдите, – произносит с глубоким вздохом.

– Иван Дмитрич, разрешите, – ко мне в кабинет входит агент Иван Соколов, тридцати одного года, высокого роста, а если быть точным то двух аршин и шести вершков, чуть выше меня. Глаза до того синие, что казалось, смотришь в безоблачное небо, но хватка, как у волка, если накопает что—либо даже мало—мальски по делу никогда не отступить, пока не выяснит для себя все обстоятельства дела. Сколько его помнил Путилин, он всегда носил короткие волосы, скрывая тем самым раннее облысение.

Начальник указал рукой на стул.

– Ты видел молодого человека, что провёл час в дежурной комнате?

– Так точно.

– Он утверждает, что совершил убийство, – Иван Дмитриевич поднялся с кресла, Соколов вскочил, но начальник жестом указал, чтобы продолжал сидеть. – Я подозреваю, даже уверен, что он болен и, поэтому верить его словам, у меня нет никакого резона. Его зовут Василий Осипов, от него добиться, где он проживает невозможно, поэтому поезжай в адресную комиссию и там уточни адрес. Потом узнай, с кем он жил, с кем встречался, в общем, обо всем и в том числе, была ли у него знакомая по имени Катя. Жива ли она? Если будет возможность, то постарайся с ней встретиться. Понятно.

– Так точно, – Соколов вскочил со стула, – разрешите приступить к исполнению задания?

– Да, ступай, я тебя больше не держу, надеюсь, результат получить к вечеру.

Дверь мягко прикрылась, и Путилин остался сидеть в своём излюбленном кресле, размышляя об изгибах жизни, которые преподносят иногда неприятные минуты. Молодой человек, наверное, студент одного из университетов, то ли тронулся головой от усердного учения, то ли в самом деле стал душегубом.

Взял железное кольцо, взвесил в руке. Да, таким можно отправить к праотцам, если попасть в висок, как он говорит. Осмотрел со всех сторон, какие—то рыжие следы присутствуют, но у меня нет полной уверенности, что это кровь.

Вновь возвратился ко вчерашним донесениям о происшествиях в городе.

Столица с каждым днём растёт, в неё прибывают новые люди, когда—то окраина была за Фонтанкой, а теперь возвышаются дома и за Обводным каналом.

Ранее Путилин думал, что Манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости был благом для нашего государства, а теперь, возглавляя сыскную полицию, он поменял своё мнение. Столько таких хлебопашцев обрели свободу, но потеряли землю и поэтому разбрелись в поисках лучшей доли по городам. В столице с прибывающими растёт число преступлений. Нет, Иван Дмитриевич привык выполнять свою работу, и не жаловался на трудности, ведь под его началом думающие сотрудники, способные сократить число разбойников и убийц.

Потом начал читать о вчерашних происшествиях, вечером около 11 часов в гостинице «Европа», что у Чернышева моста, студент Института путей сообщения потребовал комнату, которая ему была предоставлена. В половину четвёртого ночи раздались два выстрела,

и из номера выбежала окровавленная женщина. Прибывшая прислуга нашла в нем студента в луже крови и без признаков жизни. Тут же валялся револьвер с четырьмя заряженными патронами и двумя пустыми гильзами. На вопросы вызванного врача женщина ответила, что её зовут Елена Мелех и это стреляла она, ибо Павел Канов, так звали студента, оказался низким, скверным человеком. Госпожа Мелех сочла себя оскорблённой и в порыве гнева совершила преступление, решила покончить с собой, но крайне неудачно. Ох уж эти неразделённые страсти! Этот случай напомнил другой, происшедший 18 сентября сего года в гостинице «Belle Vue», что на Невском проспекте, молодой человек Тимофей Комаров, кандидат права Санкт—Петербургского Университета, выстрелом из револьвера убил Анну Суворину, в которую был безответно влюблён, и вслед за тем застрелился сам. Трагическое происшествие произошло при следующих обстоятельствах: Суворина, замужняя женщина тридцати трёх лет и мать пяти-рых детей, ужинала с влюблённым в неё молодым человеком в комнате гостиницы, с ведома мужа, который собирался приехать за нею, но, к сожалению, прибыл через несколько минут после того, как в номере, около полуночи, раздались выстрелы.

Начитаются молодые люди и впечатлительные барышни новомодных романов о небесной любви и пытаются найти её на грешной земле. Череда таких кровавых драм прокатилась большим зазубренным колесом по столице, но наряду с ними самоубийства сделались хроническим злом в нашей Богом хранимой России. Жаль, что в России, пришла внезапная мысль, не собираются статистические сведения о причинах этого явления, а просто извещаются в донесениях, а потом и газетах: отравилась, застрелилась или отравился, застрелился, повесился такая—то или такой—то. Что творится? Не понять. Зачастую в последних записках не удосужатся указать, что явилось побуждением к греховному деянию.

Вот. 17 декабря в 10 часов 30 минут в доме по Стремянной улице застрелилась из револьвера слушательница недавно закрытых Владимирских курсов, дочь коллежского советника, Мария Петровна Левитова. Смерть наступила мгновенно: пуля попала в сердце. На столе найдены следы от сгоревшей записки. Можно только гадать о причинах, побудивших совершить противоестественное лишение себя жизни. Надо бы направить туда агента для проверки.

Так, вчера же в трактире Павлова, в доме Тюменева, Рождественской части, один из посетителей, крестьянин Андрей Герасимов Королев, 21 года, выпив полбутылки водки, сильно захмелел и потребовал себе коньяку, в котором ему отказали. Королев вошёл в азарт, стал выдавать себя за акцизного чиновника и произвёл беспорядок. Мнимый чиновник задержан и отправлен в участок. Здесь все ясно.

Перешёл к следующим происшествиям в столице. В меблированных комнатах «Дания» в доме Постниковой по Дровяному переулку, обнаружено, что она из жилищ, имея крестьянское звание, предъявила паспорт, в котором слово «крестьянка» было вычищено, а вместо него было написано «Мещанка». Владелица комнат вызвала городского, крестьянка задержана, из её объяснений неясно, кем совершён подлог. По делу начато следствие.

Слава Богу, что вчерашний день не богат на происшествия, которые требуют пристального внимания. Сотрудники сыскного отделения, честно говоря, за последнее время устали. Пусть хотя бы сегодня отогрелись в участке.

Путилин вызвал дежурного чиновника.

– Иван Дмитриевич!

– Да, – начальник протянул написанную бумагу, – разошлите по частям.

Дежурный чиновник повернулся и пошёл к выходу.

– И ещё, – произнёс Иван Дмитриевич, он по—военному обернулся, – как только появится Соколов, немедленно пришлите его ко мне.

– Так точно.

Пожалуй, можно теперь просмотреть «Санкт—Петербургские ведомости» незабвенного Валентина Фёдоровича Корша. Фельетон, подписанный «Незнакомец» едко высмеял круп-

ного железнодорожного чиновника Голубева. Он рассказал о том, как севший в поезд Голубев в силу своей значимости потребовал освободить для себя целое купе, ему, видите ли, захотелось поработать в дороге, посторонние мешали бы мыслям о важных государственных делах; один же из пассажиров (вот какой непонятливый!) воспротивился требованию, за что железнодорожные сотрудники осыпали его самыми неллицеприятными выражениями. Потом, однако, выяснилось, что пассажир этот, не просто попутчик, а целый министр Кабинета Его Величества. Особенную иронию вложил Незнакомец в описание того, как пресмыкался Голубев перед министром, как заглаживал свою вину. Голубев же через другие газеты объявил напечатанный в «Ведомостях» фельетон абсолютной чушью и злобной клеветой. Раздобыл где—то справку о том, что ничего похожего с ним на железной дороге не происходило. И подал в суд. Громкий скандал недавно завершился процессом, который пришёлся на нынешний год. Обвинители настаивали на порицании клеветы, газетчики же в ответ говорили о праве журналистов выносить всю имеющуюся информацию на суд общественности. Дискуссия в газетах получила большое развитие. Итог был для господина Голубева неутешителен: суд «Ведомости» оправдал. Власти остались этим фактом весьма недовольны, и тучи начали собираться над Валентином Фёдоровичем, ходили слухи, что Академия Наук не станет продлевать с ним договор, сменит редактора.

При чтении новостей возникало ощущение, что мир меняется со дня творения в худшую сторону, становится каким—то злым и все более жестоким, под тонкой кожей обнажаются чувства. Взять хотя бы это из Парижа: на известного профессора *College de France* Дювалля, отца президента палаты депутатов было произведено покушение. Проходя по коридору *College de France*, он встретился с двумя девушками *émancipé* из России, слушательницами Сорбонны. Одна из них, Вера Ж., быстро вынула из кармана револьвер и навела его на Дювалля. Другая девушка, З., бросилась на подругу, чтобы отстранить револьвер и спасти профессора. Грянул выстрел, и З. была ранена в плечо. Обе девушки были подругами и жили вместе, в небольшой комнате. Покушавшаяся на убийство взята под стражу. Полагают, что она страдает умопомешательством.

Куда катится мир!

Стук в дверь раздался настойчиво и громко, путилин вздрогнул от неожиданности.

– Войдите!

– Разрешите? – по непроницаемому лицу Соколова невозможно было что—либо прочитывать: со щитом он или на щите?

Начальник сыска указал рукою на стул.

– Иван Дмитриевич, – произнёс он спокойным голосом, – я не один.

Брови Ивана Дмитриевича вопросительно поднялись.

– Я побывал на квартире господина Осипова, поговорил с околоточным, дворником, соседями.

– Каков результат?

– Разрешите пригласить человека, который всё прояснит.

– Хорошо.

Агент вышел из кабинета, и через несколько мгновений вошла девушка невысокого роста в тёплом пальто с воротником из заячьего меха. Из—под платья выглядывали круглые носки совсем уж не зимних туфель. Из—под светлых бровей смотрели карие глаза с такой пронзительной внимательностью, что у Путилина мелькнула мысль: кто из них следователь, а кто пришедший прояснить ситуацию? Миловидное личико с остреньким носиком вызывает неосознанное доверие.

– Иван Дмитриевич, разрешите представить Екатерина Извицкая, добрая знакомая господина Осипова, находящегося у нас.

Внутреннее убеждение Путилина не подкачало, значит, Василий болен и не отличает окружающей его реальности от картин, возникающих в его воспалённой голове.

Иван Дмитриевич поднялся с нагретого собственным телом кресла.

– Екатерина...

– Семёновна, – произнесла она тихим, но довольно решительным голосом.

– Екатерина Семёновна, прошу Вас, присаживайтесь.

– Благодарю, – она без ложной скромности осторожно опустилась на предложенный стул.

– Извините, – вновь прозвучал её голос, – но я решительно не понимаю цели моего визита к вам?

– Сударыня, – Иван Дмитриевич воротился на своё место, – у вас в знакомых есть некий Осипов?

– Василий? – ответила Екатерина вопросом на вопрос.

– Совершенно верно, Василий... – Путилин вопросительно посмотрел на Соколова.

– Ионович, – подсказал тот.

– Василий Ионович Осипов.

– Да, это мой жених.

– В последнее время ничего странного в поведении Вы не замечали?

– Я не понимаю вашего интереса к персоне моего жениха.

– Скажите, когда вы видели Василия в последний раз? – пропускаю мимо её тираду.

– Два или три дня тому.

– Где?

– Он приходил ко мне.

– В день последней встречи вы поссорились?

– Да, – удивлённо посмотрела на начальника.

– После ссоры вы больше его не видели?

– Да.

– Он способен на причуды?

– О нет! Он вполне серьёзный человек, в последнее время его всецело занимала учёба в Технологическом институте.

– У Василия были ещё знакомые по имени Екатерина?

– О знакомых не могу сказать, но его матушку тоже назвали Екатериной.

– Где она сейчас?

– Год тому умерла.

– Сегодня утром Василий Осипов явился в отделение и дежурному чиновнику заявил, что два дня тому у Николаевского моста он ударил железным кольцом в висок знакомую барышню и, чтобы скрыть преступление, утопил тело в проруби.

– Не может такого быть! – вскочила она, прикрыв ладонью рот. – Кого же он убил?

– Он сказал, что вас.

– Меня? Меня? Но я же, я...

– Да, поэтому я поинтересовался о его фантазиях.

– Где Василий?

– Он у нас, и боюсь, его состояние вызывает глубокое беспокойство, он нуждается в первую очередь в помощи врачей, его помутившийся рассудок не отличает реальности от фантазий.

– Бедный Вася! – в её руке, как у фокусника, из ничего возник белоснежный платочек, которым она вытирала появившиеся из глаз слёзы.

Иван Дмитриевич приказал Соколову, чтобы тот привёл Осипова.

Через пять минут, в течении которых в кабинете висела тишина, каждый был занят своими мыслями, дверь после двух – трёх ударов открылась, и первым вошёл Осипов со впалыми

щеками, покрытыми многодневной щетиной, казавшейся грязным налётом, и остекленевшим пустым взглядом из—под густых бровей.

– Катя, ты уже вернулась? – бесцветным голосом произнёс он.

Она же в изумлении смотрела на вошедшего, наверное, впервые увидела его в таком состоянии и небрежной грязной одежде.

– Тебе не больно? – сказал он, обращаясь скорее всего в пустоту, потому что смотрел куда—то в стену.

– Василий, – Иван Дмитриевич обратился к нему, но взгляд по прежнему направлен в стену, – ты узнаёшь Катю?

– Да, я её убил два дня тому.

– Я жива! – воскликнула девушка.

– Ты снова пришла ко мне, – его губы безжизненно шевелились, словно это он вернулся с того, неведомого нам света, – я рад тебя видеть, скоро мы встретимся.

– Иван, – Путилин обратился к Соколову, – бери сани и вези господина Осипова в больницу Николая Чудотворца на Пряжку.

Когда в сопровождении агента Василий был уведён, Иван Дмитриевич обратился к Екатерине.

– Госпожа Извицкая, я думаю, Вашему жениху больше требуется помощь доктора, нежели сысской полиции.

Хрупкие плечи девушки вздрагивали при всхлипывании, маленькими ладошками она закрывала лицо.

Глава вторая. К чему приводят ночные прогулки

Ресторация господина Давыдова, что находилась на Владимирском проспекте, напротив Стремянной улицы, была известна петербуржцам как «Давыдка» или с лёгкой руки завсегда-тая— литератора Слепцова «Капернаум», прозванным в честь города упоминаемого в Новом Завете, как любимого местопребывания Иисуса Христа. Тем самым Слепцов давал самую лестную характеристику заведению.

В первый зал можно было войти с улицы и, не снимая верхней одежды, пройти к большой стойке, где услужливый официант мог налить рюмку водки и поднести к ней на белой с каймой тарелке пирожок для закуски, откланяться и покинуть заведение. Хотя второй зал и не привлекал посетителей особой роскошью, но его отличительно чертой был поставленный у стены длинный стол с рядом чернильных приборов для господ литераторов, журналистов, художников и иных деятелей научного труда, которые здесь же иногда, когда не хватало времени, за рюмкой водки писали срочные статьи. В редкие дни за столом не появлялся Лесков, в пошлом году опубликовавший отдельной книгой свой роман «На ножах», каким событием был крайне недоволен, выражая своё негодование – редактор так приложил руку к правке, что Николай Семёнович не узнал своего романа.

Терпигореву, недавно возвратившемуся из ссылки, и Тургеневу приходилось прилагать большие усилия, чтобы гасить невольный гнев довольно известного в России литератора.

Надворный советник Сергей Иванович Левовский, чиновник Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг, и ротмистр 8—й уланского Вознесенского Его Высочества Принца Александра Гессенского полка Илья Николаевич Торонов, пребывающий в отпуску, сидели за соседним с литераторами столом.

Левовский смаковал из высокого бокала французский кларет, перед ним стояли тарелки с бараньими рёбрышками, отбивной из телятины и твёрдыми итальянскими сырами. Его же приятель пристрастился в полку к русской водке и перед ним возвышался запотевший графин, рядом стояла рюмка, две икорницы, квашеная капуста, нарезанная тонкими кусками буженина и солёные грибы.

Чиновник после второй бутылки вина благодушествовал, дела на службе шли прекрасно. Сергей Иванович со дня на день ожидал новой должности, что сулило немалую прибавку к жалованию, которого в последнее время не хватало из—за пагубного пристрастия к карточной игре. Он с превеликим удовольствием прикладывался к высокому бокалу, наполненному рубиновым терпким напитком, забывая о закусках.

– Завидую тебе, – Сергей Иванович крутил между пальцами ножку бокала, едва не выплёскивая на белоснежную скатерть вино, – у тебя интересная жизнь: служба, походы. Шашку пристегнул и вперёд, а у меня... – он махнул второй рукой, едва не опрокинув графин.

– Сергей, не завидуй, – Торонов перехватил пытавшийся упасть графин и, словно фокусник, из него наполнил рюмку до краёв, – я бы с превеликим удовольствием поменял свою службу на твою, ты уже надворный, скоро станешь коллежским, а мне до полковника... Эх!

– Что ты? Просто ты не представляешь. Каждый день одно и то же копание в кипах бумаг, писание бесконечных отчётов, никому ненужных докладов... Перестань упоминать о моем сидении в присутствии, мне становится от самого упоминания плохо, хотя лукавлю и моей службе есть некоторое разнообразие. Когда—нибудь я тебе расскажу об одном дельце, но как—нибудь потом, а теперь давай лучше за тебя, за твои походы и армейский дух, – он поднял бокал.

– Что ж, присоединяюсь, – Илья Николаевич с хитрецей прищурил правый глаз, – а как продвигается жениховское дело с Марьей Николаевной?

– Думаю, на Пасху ты не откажешься поприсутствовать на нашей свадьбе, – расплылся в улыбке Сергей Иванович и поднёс бокал к стоящей на столе рюмке, которую подхватил Торонов и ударил по стеклянному сосуду приятеля. Одним глотком отправил в рот и закусил подхваченной на маленькую ложку паюсной икрой.

– А почему ты пригласил меня сюда? – Илья Николаевич сделал ложечкой круг в воздухе.

– Знаешь, мне нравится чувствовать себя причастным к русской литературе, за тем длинным столом, – он украдкой указал на соседний стол, – собираются литераторы и журналисты, чьи имена у нас на слуху. После службы хочется возвышенного, почувствовать себя человеком, а не бумажным червём. Кстати, ты видишь тот с левого края с русой бородкой?

– Вижу.

– Так это автор «Отцов и детей», «Дворянского гнезда».

– Извини, Сергей, но я не любитель чтения, поэтому мне, что отцы, что дети, одного поля ягоды.

– Ладно, забудь. А когда тебе в полк? – попытался перевести беседу в другое русло Левовский.

– Я умоляю, не напоминай мне о службе, – рука опустилась на левую сторону груди, а лицо скривилось, будто Илья Николаевич съел лимонную дольку.

– Не буду, не буду, – откrestился от приятеля Сергей Иванович, – только и ты не говори мне о моей.

– Договорились.

– Ещё по одной?

– Я по армейской привычке только «за», – он приложил дав пальца к виску и отсалютовал, как польские офицеры, – кстати, если я задумаю выйти в отставку, в твоём присутствии не найдётся тёплого местечка для бывшего офицера?

– После того, как я получу новую должность, я смогу помочь старому приятелю.

– За дружбу.

– За дружбу.

Около часа ночи, когда приятели расплатились, одарив официанта щедрыми чаевыми, вышли на опустевший Владимирский проспект, морозный воздух наполнил грудь и заставил придержать дыхание от резкого вздоха.

– Сани?

– Нет, – ответил Сергей Иванович, – я предпочёл бы пешую прогулку, после долгого сидения требуется размять ноги.

– По такому морозу?

– Какой мороз? – Левовский скривил губы, – ныне хоть зима пришла, в прошлую, так до Рождества снега не было, одна слякоть под ногами. Выпадет и растает, все мостовые были залиты грязью. По неволе вспоминаешь детские годы, когда пробирался на горку сквозь снег, что заваливал город по колено.

– Ах детство, детство, – поратовал Торонов, – не тереби беззаботных воспоминаний.

На Стремянной улице не встретился ни один человек, появилось чувство, что город опустел, и они остались одни во всей столице. Приятели не видели, как из ресторана господина Давыдова вслед за ними, поднимая брововый воротник, вышел высокий человек в тёмном пальто, подбитым медвежьим мехом. Он не таился, улица и без того была плохо освещена, а в темных местах он вообще был не заметен. Человек продолжал идти сзади, наблюдая за приятелями и прислушиваясь к каждому слову.

На Николаевской Торонов остановил приятеля.

– Мне налево, тебе, как я понимаю направо.

– Точно так. Может ко мне? – Сергей Иванович предложил ротмистру, – у меня найдётся бутылочка хорошей домашней настойки, присланной из дома.

У следующего за ними человека вдруг быстро застучало сердце, но ответ принёс облегчение.

– Нет, извини, в другой раз, мне надо отдохнуть. Знаешь, устал. Притом завтра, нет уже сегодня у меня важная встреча, а если я посету твоё жилище, то буду не в состоянии здраво размышлять днём, – Торонов с улыбкой сказал приятелю, намекая, что они продолжат вечер за бутылкой, не важно чего: вина, водки или коньяка, а сон останется мечтой.

– Что ж, – Левовский пожал руку приятеля, – это не последний вечер, проведённый с тобой?

– Так точно, мон генераль, – приложил руку к цивильному головному убору ротмистр.

Сергей Иванович, шатаясь из стороны сторону, но не чувствуя морозных покалываний на щеках, махнул рукой.

– Женераль, – с трудом выговорил он, – когда будешь под моим началом, надеюсь, ты не забудешь меня так называть.

– Конечно.

– Тогда не обессудь, вечером заеду к тебе.

– Буду ждать.

– До встречи.

– До вечера.

Сергей Иванович повернулся и бодрим, слегка нетвёрдым, шагом, давало знать выпитое, направился по Николаевской, чтобы свернуть на Новый проспект, где недавно начали возводить дома, но в связи с зимней порой и большими морозами приостановили, потом в маленький переулок, который выходил на набережную обмелевшего Лиговского канала, а там и до дома два шага..

Мороз пощипывал щеки и добрался до рук, которые Левовский, наконец—то, додумался спрятать в карманы, от того, что куда—то подевал свои тёплые перчатки.

Человек в тёмном пальто шагнул из Стремянной на довольно широкую улицу, но тут же отступил назад. По Николаевской шёл неизвестный.

– Фу, ты черт, – тихим голосом выругался человек в тёмном пальто, – этого мне не хватало. – Поначалу он помедлил, пропустив незнакомца на десяток шагов, потом пошёл вдоль стен домов, где была гуще тень.

Сперва он не обращал внимания, но заметил, что незнакомец тоже старается держаться в тени, подумалось, что это всего лишь случайность, но после того, как незнакомец свернул за Левовским на Кузнечный, а потом и на Новый. У человека в тёмном пальто это вызвало большой интерес.

Когда Сергей Иванович свернул в Невский переулок, незнакомец змеёй юркнул туда же. Человек в тёмном пальто потерял их из виду всего лишь на несколько секунд. Когда он заглянул в переулок, то поначалу ничего не заметил, кроме темноты, но донесшийся глухой всхлип заставил отпрянуть назад и затаиться.

Тяжёлые шаги прогрохотали почти рядом, человек в тёмном пальто едва успел вжаться спиной в небольшое углубление в стене, но тусклый свет все же позволил увидеть пылающий взгляд тёмных глаз, рассечённую надвое бровь то ли старой раной, оставившей шрам, то ли просто показалось, и пышные усы незнакомца. Сердце пыталось вырваться на свободу, отдавая быстрыми ударами в голове.

– Что за напасть? – так с минуту он простоял в углублении, прислушиваясь ко всем звукам ночного города. Только когда успокоился сам и убедился в отсутствии постороннего шума, вышел из укрытия и решил войти в переулок. Ступал на носках, словно боялся, что кто—то может его услышать. Он не сразу заметил лежащее у стены тело, опустился и когда нащупал ручку ножа, внезапно отпрянул, но затем приподнял Сергея Ивановича, тот был мёртв, неосознанно сунул руку в боковой карман пиджака, нащупал мягкую кожу бумажника и аккуратно

его вытащил, не иначе боялся потревожить убитого, сунув в карман своего пальто, таким же осторожным движением опустил убитого. Хотел вернуться на Новый проспект, но заслышав скрип снега под чьими—то ногами, бросился бежать в сторону канала, где его скрыла ночная темнота.

Глава третья. Прерванный сон в зимнюю ночь

В третьем часу, когда крепкий сон не даёт возможности после тяжёлого дня оторвать голову от мягкой подушки, раздался настойчивый звон колокольца. Иван Дмитриевич проснулся с первым звуком, наверное, многолетняя привычка ко всяким неожиданностям остаётся гореть непогашенной свечой. Сквозь дубовую дверь было слышно, как прошаркала по коридору незаменимая Глаша. Звякнула железная цепочка, с едва слышным скрипом отворилась дверь. Послышались неясные голоса, словно бубнили себе под нос. Путилин не пытался прислушаться, а тихонько поднялся с тёплой постели, чтобы не потревожить чуткий сон жены, не дай Бог, дать повод для ворчания. Накинул толстый халат, подвязав его тонким поясом, взялся за потёртую ручку, когда раздался тихий стук. Глаша жалела супругу и не хотела нарушать её сладкого сна, потому и знала, что Иван Дмитриевич услышит даже едва слышимые звуки.

Путилин осторожно повернул ручку и потянул на себя. Глаша от неожиданности отпрянула назад, ёкнула, трижды быстро перекрестилась и прикрыла лицо рукой, во второй дрожал огненный мотылёк на кончике свечи.

– Ой, Иван Митрич! – только и смогла выдавить из себя, блестя глазами.

– Кто там?

– Посыльный, – она дышала тяжело и с придыханием, словно не могла успокоиться.

– Проведи в кабинет, пусть там подождёт, – а сам повернулся, чтобы одеть брюки и рубашку.

Через несколько минут, застёгивая верхние пуговицы рубашки, вышел в освещённый несколькими свечами кабинет, где с ноги на ногу переминался немолодой мужчина в полицейской форме. При появлении начальника сыска он вытягивается во фрунт.

– Здравия желаю, Ваше Высокородие, – произносит он хорошо поставленным голосом, но не слишком громко, чувствуя, что пошёл третий час ночи.

Кивнул головой на приветствие.

– Что стряслось?

– Ваше Высокородие, в половину второго городской Петров, несущий службу на Николаевской улице, проходя мимо Невского переулка заметил тёмный мешок, лежащий у дома господина Ивановского. Решил проверить, мешок оказался телом. Доложил приставу, тот меня направил к Вам.

– Убитый, – констатировал Путилин.

– Так точно.

От уличного морозного воздуха в первое мгновение перехватило дыхание и Иван Дмитриевич прикрыл нос меховым воротником, который так и оставался под защитой, пока под санями хрустел примятый снег и фыркание лошади оглашало округу тяжёлым дыханием, которое с каждым выдохом сопровождалось молочными клубами.

Улицы города были пусты, только на некоторых перекрёстках горели костры для обогрева прохожих по давнему распоряжению обер—полицмейстера. Дрова закладывались в круглые решётки из железных прутьев. Почти у каждого костра находился городской, который распоряжался, чтобы хозяева близ лежащих домов выделяли дрова для обогрева бродяжного люда. Около полицейского жались к кострам несколько замёрзших человек в рваной одежде, в рваных шапках или с завязанными платком ушами, дворовые голодные собаки с поджатými хвостами вздрагивали от каждого движения людей и отскакивали в темноту при чувстве опасности. Иногда у таких костров стояли сани, извозчики подходили обогреться в ожидании седоков. В нынешнюю зиму, когда большие морозы опустили на город, костры горели круглые сутки, даже чайные открыты днём и ночью. По улицам несколько раз за ночь разъезжали конные пат-

рули городских или солдат. Они смотрели, не замерзает ли кто на улице: пьяный, заснувший извозчик или бедняк, у которого нет пятака на ночлежный дом.

В Невском переулке, подняв высокий воротник и спрятав руки в тёплые перчатки, расхаживал, притаптывая снег, пристав Московской части 1 участка подполковник Василий Евсеевич Тимофеев, приехавший тотчас же после получения сведения об убийстве неизвестного хорошо одетого господина. Пристав угрюмым видом показывал своё недовольство ночным вмешательством в спокойный сон, это было удивительно, тем более, что он сам послал за начальником сыскной полиции одного из городских.

Путилин вышел из тесных саней, где сидел вполоборота с городовым, у фонаря, в котором за не очень чистым стеклом на столбе стояла керосиновая лампа, дающая больше сумрака, чем света, начал разминать затёкшие от неудобного сидения ноги.

– Здравия, Иван Дмитриевич, – услышал простуженный голос пристава, огласившего вслед за словами улицу сухим кашлем.

– Думаю Вам, Василий Евсеевич, здоровья не помешало бы Вам, – ответил на приветствие. С год или нет, поменее будет, на дворе стояла в то время весна, на набережной Лиговского канала были найдены трое убитых, если бы тогда не шли проливные дожди, смывшие берега канала, их никогда бы не нашли, а так обнажилась из земли почерневшая рука, которую заметил полицейский. С этого и началось знакомство, Василий Евсеевич проявил себя думающим, знающим своё дело чиновником, дающим толковые распоряжения. Он никогда не пытался переложить свою вину на подчинённых, а вставал когда надо на их защиту. За что был уважаем сотрудниками, но оставался неугодным вышестоящим начальникам. Полицмейстер 2 отделения полковник Адриан Иванович Дворжицкий оставался доволен приставом 1 участка Московской части.

– Вы правы, – Василий Евсеевич приложил к лицу платок, – немножко прихватило. Морозы доконали. А с нашими горожанами даже поболеть по—человечески невозможно, происшествие чуть ли не каждый день.

– Вот бы на время болезни начальника сыскной полиции преступления отменить, – подошёл ближе и негромко добавил, – я бы, честно говоря, болел до отставки.

Пристав засмеялся хриплым сквозь кашель натужным смехом.

– Кто там у нас? – Путилин кивнул на убитого, черным мешком лежащего у стены дома.

– Судя по одежде человек не бедный, но меня занимает вопрос, что он делал в этом переулке, рядом с каналом, славящимся людьми отнюдь не примерного поведения?

– Попробуем разгадать эту загадку. Позвольте мне взглянуть?

– Да, да. Правда ваша, сегодня я Вам не помощник, извините.

– Василий Евсеевич, перестаньте. Лучше пройдите в тёплое место, чтобы окончательно не слечь, болезнь надо лечить, а не давать ей тело на растерзание.

– Хорошо, – произнёс пристав, – если я понадобится, пошлите за мной городского.

– Идите, Василий Евсеевич, я после полудня буду у Вас и проинформирую об убитом и мерах, предпринимаемых мной в сторону розыска преступников, и тем, чем можете Вы мне помочь.

– Вы думаете, он был не один? – пристав имел в виду преступника.

– Пока не знаю.

– Тогда разрешите откланяться?

– Лечитесь, Василий Евсеевич.

Сколько на веку пересмотрел и убитых, и покалеченных, но всякий раз не мог со спокойным сердцем видеть деяния рук человеческих, хотя убийцу и нельзя назвать по правде человеком, но можно отдать должное некоторым вполне образованным, как нынешней весной. Из Обводного канала артель грузчиков выловила в мешке тело без рук и ног, следствие

не заняло много времени, но тогда в результате розысков поймали шайку, возглавляемую образованным человеком дворянского звания.

Вчера, как и предыдущими днями, снег не падал с наших питерских небес, а дворники имеют приказания ранним утром убирать выпавшее за ночь, приводя свой участок улицы в надлежащий вид. Здесь, в Невском переулке, удалённом от центральных проспектов, по всей видимости не слишком ретивые хозяева, поэтому их дворники не выполняют надлежащим образом свои обязанности.

– Кто нашёл убитого? – Спросил Иван Дмитриевич, не поворачивая головы, все равно в свете едва живого фонаря видны только тёмные тени.

– Я, Ваше Высочество, городской Петров!

– Подойди ближе, – когда он приблизился, Путилин вновь сказал в темноту, – и принесите сюда света.

Городовой вытянулся, словно на параде.

– Как тебя по батюшке?

– Иван Иваныч.

– Так, Иван Иваныч, рассказывай, как его, – указал на чёрный куль, – нашёл.

– Ваше..

– Иван Иваныч, обращайся ко мне Иван Дмитрич, – устало выдавил из себя. В минуту, когда люди именуют предписанным уставным обращением, становишься для них начальником и они начинают рапортовать казёнными сухими фразами. Зачастую от них невозможно добиться нужных сведений, а имя с отчеством как—то делают разговор более приближенным к земле.

– Я, Ваше... Иван Дмитрич, – поправил себя, не дав хода уставному обращению, – в нынешний мороз, я обхожу порученные мне улицы раз в час.

– А как ты идёшь? – перебил его.

– Там на перекрёстке Нового и Кузнечного горит костёр, так там я греюсь, потом до канала Лиговского, по набережной до Невского проспекта, по нему до Нового, а там и до Кузнечного.

– А как зашёл в переулок?

– Да я бы мимо прошёл, но меня, словно под руку кто толкнул. Я повернул, прошёлся десяток саженей, вижу, что—то тёмное, навряд ли мешка, валяется, вот и решил поближе посмотреть.

– Раньше при обходах заходил?

– Поверите, сюда никогда, говорю, как на духу. Тут всего—то пять домов, три по левой стороне улицы, два по другой и проверять—то нечего, всегда тишина и покой. Видите, темень какая. Люди бояться ночной порой здесь ходить, стороной обходят.

– А сам—то?

– А что я? У меня дома трое, а тут и без того опасней порой появляться.

Путилин только тяжело вздохнул, со свистом выпустив воздух. Что здесь можно сказать? Улицы на этом участке изобилуют притонами и приезжими бандитами.

Убитый лежал, уткнувшись лицом в мостовую, из спины торчала причудливая рукоять. Удар нанесли под левую лопатку мастерски, одно движение и человек не чувствует, как его душа отправилась в неизведанные дотопе места. Одет убитый был в дорогое пальто с меховой подкладкой. Шапка валялась рядом, припечатанная к мостовой чьим—то сапогом. Внимание Путилина привлекла ровная палка в аршин длиной, лежащая в стороне от убитого. Поднял её и только тогда понял – рукоять, торчащая из спины, как нельзя, кстати подходит к круглому длинному предмету, что сжимал в руке. Преступник ходил с тростью, которая являлась к тому же оружием. Вот и маленькая ниточка – надо попытаться найти хозяина, если, конечно это диковинное оружие изготовлено в столице.

Проверил карманы и, кроме горсти монет, серебряного портсигара с вензелем (хозяина?) и золотого брегета с массивной цепью того же металла, больше ничего не было, ни намёка на имя, ни единой бумажки, ни завалывшейся визитной карточки. Хотя нет, а портсигар. Он ныне становился вторым кончиком из клубочка.

То, что придётся устанавливать фамилию убитого – один из моментов нашей сыскной работы. Лежащий на очищенном от снега тротуаре не нищий без роду и племени, а вполне обеспеченный человек и из этого обстоятельства предстоит строить пути дальнейшего розыска, которые на нынешнюю минуту ведут неведомо куда.

– Ваше Высокородие, – обратился к Ивану Дмитриевичу околоточный, приложив руку к шапке.

– Слушаю, – не сразу ответил Путилин, погруженный в неясные мысли.

– Ваше Высокородие, куда убиенного везти? В Обуховскую?

На минуту начальник сыска задумался, можно конечно везти в Обуховскую, там доктора опытные, знающие, но в анатомическом Васильевской части обратят более пристальное внимание на убиенного, подметят самое незначительное.

– В анатомический на Васильевский, – подытожил размышления, хотя особых раздумий не было, как говорится: своя рубашка ближе к телу.

– Разрешите исполнять.

– Да, – и добавил, – пожалуй больше ничего нового здесь не найти.

Когда убитого увезли, Путилин остался стоять под фонарём, едва освещавшим ноги. Улица маленькая, пять домов в несколько этажей, участок, кишачий не очень честными горожанами. Что же надо было этому господину в дорогом пальто? Осмотрел здания, но, увы, к своему сожалению ничего не увидел. Подумал, что придётся навестить сей переулок, когда град озарится дневным светом.

Откуда он мог идти? И почему не взяли извозчика? С Невского ли? Вполне может быть? С Владимирского? Далековато. С Нового? Но там нет привлекательных для небедно одетого человека увеселительных заведений, хотя мог идти от приятелей. Вполне возможно.

Иван Дмитриевич поднял взгляд к небу, дома черными стенами уходили в верх и там сливались с темнотой. Сколько жил в столице, но так и не смог привыкнуть к погоде града Святого Петра, тяжёлые тучи несколько недель висят над городом, словно непрменная деталь пейзажа, изредка мелкие снежинки закружатся в воздухе, давая в подарок ветру колючие иголки, бросаемые затем прямо в лицо.

Шёл шестой час, когда начальник сыска, отряхнув с обуви снег, поднялся в свой кабинет, ставший за эти семь лет до боли знакомым. Напротив входа висит портрет Государя в полный рост, с которого он неотступно строгим взором следит за исполняемой службой, с каким усердием несёт доверенное Путилину искоренение нарушителей закона в столице.

Будто ведя с ним немую беседу, Иван Дмитриевич пожал плечами и развёл в стороны руками, словно оправдываясь за ночное происшествие, совершенное неизвестно кем и неизвестно с каким умыслом.

Сел в любимое кресло и, Слава Богу, где не видел пронзительного нарисованного взгляда, оставшегося за спиной. Потом пододвинул к себе лист бумаги, чернильный прибор, в котором открыл крышку чернильницы и застыл в нерешительности. Перед глазами стояла картина из Лиговского переулка: тёмная груда, одетая в пальто, словно мешок из которого выросли ноги в дорогой обуви и руки, раскинутые в стороны, казалось мешок силился обнять землю. И конечно же, причудливая рукоять. Нет ни малейшей зацепки, а в голове вертятся слова из какого—то романа: «ночь опустила траурные крыла на грешную землю». Опустила, добавил бы Иван Дмитриевич, и унесла с собою одну молодую жизнь.

Если в первые минуты не приходит ничего стоящего, знал Путилин, стоит на некоторое время отвлечься от насущных проблем, чтобы потом вернуться с новыми чувствами и новыми решениями.

Сперва хотел позвать дежурного чиновника, чтобы принёс стакан горячего чая, но потом сам себя одёрнул. С мороза, конечно, можно было бы, но не стоит.

Достал из верхнего ящика стола вчерашние газеты, которые к своему стыду не успел дочитать до конца.

И приступил к изучению прошедших событий. «Бушевавшая в ночь на вчерашнее число снежная буря наделала немало бед. Все вчерашние утренние поезда из Москвы прибыли в столицу со значительным опозданием. Сила ветра около четырёх часов ночи была на столько сильна, что некоторые поезда, отбывавшие из Москвы, принуждены были делать продолжительные остановки на станциях. Из уездов Московской губернии сообщают, что снежная буря рвала в деревнях соломенные крыши. Застигнутым в пути на просёлочных дорогах проезжим приходилось останавливаться в поле и ожидать утра. Снежные заносы на железнодорожных линиях начали приносить хорошие заработки крестьянам Московской и соседних губерний. Над расчисткой железнодорожных путей крестьяне некоторых деревень работают уже третью неделю, по цене от 80—ти копеек до 2 рублей в день или за каждую рабочую упряжку».

Хорошо, что столицу миновала такая напасть, иначе нашёлся бы убиенный через несколько дней, добавились немалые заботы по установлению личности.

Следующая корреспонденция поразила своей необычностью, когда женщина переодевается в мужской костюм для совершения злоумышления, чтобы быть не узнанной, это мне понятно, но здесь... у меня даже брови помимо воли поползли вверх. «Нижний Новгород. В старом городе проживает одна женщина, около десяти лет носящая мужской костюм и стриженная „под польку“. Очень немногие из жителей знают, что под костюмом мужчины скрывается женщина, именующая себя Егором; настоящее ее имя – Ульяна. Невысокого роста, плотного телосложения, Ульяна – Егор работает довольно тяжёлую работу, таскает тяжести от 5 до 7 пудов и т. д. и зарабатывает хорошие деньги. Ульяна ранее принадлежала к какой—то подпольной секте и по сектантскому обряду была выдана замуж, но жила замужней всего лишь несколько месяцев, а потом, бросив мужа, перешла в православие и с тех пор носит костюм мужчины. Теперь Ульяне 29 лет от роду. На вопрос, почему Ульяна носит костюм мужчины, – она говорит, что если бы она носила женскую одежду, то зарабатывала не более 3 —4 руб. в месяц, в мужском же костюме она зарабатывает от 12 до 15 руб. в месяц. Ульяна имеет свой дом, который она с год тому назад отстроила.»

Так и хотелось воскликнуть вслед Цицерону «О времена! О нравы!» К чему идём? Страшно читать отчёты по полицейским участкам о совершенных злодеяниях, а ещё страшнее становится читать газеты, в которых много кровавых подробностей житейских драм, словно читатель получает удовольствие от прочитанного. «И мальчики кровавые в глазах», прав Александр Сергеевич, предвидел падение моральных устоев не только в своих строках. А может это старость незаметно подбирается ко мне, подумалось Путилину, с новым чувством брюзжания по поводу и без оно.

Итак, господа полицейские чиновники, что по расследованию. Стоило обратить внимание на личность убитого, она неизвестна, но это выяснится скоро. Придётся городовых и околоточных, несущих службу на ближайших к месту убийства улиц, отправить в анатомический, чтобы они смогли его опознать или нет. Может быть, жил недалеко от места убийства, а может, приходил к кому по приятельски. Далее посетить ближайшие увеселительные и питейные заведения, обратить внимание на почтенные рестораны, наверное, от Николаевской, нет, пожалуй, от Владимирского до Гончарной и от Разъезжей до Малой Итальянской.

Начальник сыска надеялся, что вскрытие добавит свою лепту в расследование: как нанесена смертельная рана? Торопливой рукой или расчётливо поставленным ударом? Был ли пьян

на минуту убийства неизвестный? Да, ещё трость, очень приметная. Надо заняться и этой стороной медали, ведь кто—то же заказал её. На таких вещах мастера, да и не только наши, предпочитают оставлять свой знак, клеймо, показывая тем самым мастерство перед сотоварищами по ремеслу.

Глава четвертая. Пробуждение молодого повесы

Пробуждение стало для него внезапным, словно кто—то изнутри заставил открыть глаза. Сумрачный свет проникал в комнату сквозь неплотно закрытые шторы и молочные узоры на стекле. Проснувшийся человек заложил руки за голову и устремил взгляд в потолок, что белой простыней навис над комнатой.

«Воскресенье, – иглой вонзилось в голову, – очередное воскресенье. Достойное завершения недели, – он скривил губы и не было понятно – хотел он улыбнуться или нахмуриться, – очередной год катится к закату».

Его кинуло в холодный пот при мысли о ночном убийстве. Что всё-таки произошло? И этот пышноусый незнакомец. Кто он? Откуда взялся? Странно, что кто—то еще заинтересовался мелким чиновником Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг? Может быть случайность? Тогда почему незнакомец не обшарил карманы, а сразу же сбежал? Страх? Но зачем убивать? Без причины ничего не происходит.

Человек на постели потянулся за стаканом воды, который он всегда ставил на ночь, выпил маленький глоток и поставил стакан на место.

Потом бросило в жар, даже капельки пота появились на лбу, а зачем мне его бумажник? Зачем залез в карман? Покосился на толстый чёрный бумажник, лежащий около стакана, и стало как—то не по себе, вроде бы ты не при чём, а чувствуешь вину за поступок другого человека. Слово «поступок» обожгло, что лежащий укусил указательный палец, чтобы невзначай не закричать от страха. Как же можно назвать поступком лишение жизни даже такого гадкого человека, как Левовский? – снова пронеслось в голове у лежащего. Как мне быть? Поехать к Марье Николаевне? Что я там скажу? Беспечно вести себя после происшедшего я не смогу, а сидеть рядом с нею с угрюмым видом я не сумею. Да и куда деть бумажник, он покосился на траурный предмет рядом со стаканом, казалось, он сам притягивает взгляд, но было боязно взять его в руки, словно он сможет оставить на ладонях несмываемые кровавые следы.

А ведь нет больше препятствия для нашего с Машенькой счастья, молодой человек аж подскочил на кровати, сел и руками потёр виски от неожиданно пришедшей мысли. Такой счастливый поворот фортуны в судьбе молодого человека сам по себе не мог упрочить положения для завоевания сердца Марии Николаевны. Ведь для получения руки девушки нужны средства, а их— то и не предвиделось. Хозяйство пращуров разорено стараниями отеческих забот, а действительный статский советник Николай Васильевич Залесский, директор Департамента Железных Дорог и Чиновник особых поручений при начальнике Главного Морского Штаба, папенька Машеньки, никогда не отдаст руку одной из дочерей начинающему юристу без состояния, а короче без копейки за душой. Вот если бы...

Не утерпел и вскочил с постели, хотелось до боли в сердце повидать прелестную девушку, за одну улыбку которой и щебетание о пустом готов отдать жизнь.

Нанести визит, слишком рано, поэтому молодой человек заварил себе чаю и, отхлёбывая горячий напиток, не заметил, как налил третью чашку, поглядывая на последнее оставшееся у него богатство – брегет, подарок деда, немного потёртый, но показывающий точное время, ещё ни разу не отданный в починку. Делали ж в прежние времена, «не то, что нынешнее племя».

Стрелки едва передвигались, показывая нетерпеливому человеку свою медлительность. Взял в руки «Русский вестник» за прошлый месяц, вспомнил, что не читал вторую часть романа графа Салиаса «Земцы и немцы» из времён Екатерины Великой.

«— Нешто это свадьба была? Это самокрутка! Жидовский мархешван какой—то! ворчливо говорил князь Родион Зосимыч, угрюмо сидя у столика с шашками против Кречетова. – Эдак и Татарва не женится!»

Молодой человек очнулся от забытья на десятой странице, но ни помнил ни слова из прочитанного. Голова забита совсем другим. Он вернулся к первой странице и со злостью запустил журналом в стену, прочитав первые слова, которые издеваясь над ним вещали о свадьбе.

Он долго ходил по комнате, то и дело задевая мебельные углы. Наконец он решился и по чистой, надраенной до блеска лестнице, спустился на улицу, где поднял голову и долго смотрел на низкие серые тучи, застывшие в неподвижном молчании над городом. Прохожие обходили его стороной, боясь потревожить или нечаянно задеть.

Дворники давно убрали снег с тротуара, шестигранниками уходящими по улицам и проспектам. По обнажившемуся от снега деревянному настилу с неприятным скрипом проезжали сани.

Наконец, молодой человек очнулся от минутного забытья, поднял потёртый бобровый воротник старенького мехового пальто и направился на Литейный проспект пешим ходом, к дому Романа Риттера, где папенькой Машеньки была арендована квартира в шесть комнат с маленьким балконом. На извозчика лишних денег не нашлось. Пока шел, все шилом жалила мысль, что же рассказать девушке, порочить ушедшего в небытие Сергея Ивановича не было нужды, но и сказать неправду он не посмеет, словно стоишь на перепутье и перед тобою две прямые дороги, на одной написано голову потеряешь, на второй – убитым тебе быть. И так не гоже, а эдак совсем худо. Зачем иду? В сотый раз спрашивал себя молодой человек и не находил разумного ответа, ноги продолжали нести к заветной цели. Вот долгожданный дом, он на миг задумался перед дверью квартиры, повернул рукоятку звонка и где—то в глубине звякнул колокольчик, потом ещё раз, и ещё.

За открытой дверью появилась Лиза, недавно нанятая на работу. Она присела.

– Проходите! Марья Николаевна в гостиной собираются чай кушать, – Лиза знала, что молодого человека принимали в семье, как сына старинного друга Николая Васильевича, – разрешите.

Молодой человек протянул снятое пальто.

– Я доложу о Вас, Марье Николаевне.

У вошедшего в миг пересохло в горле и он только кивнул.

Через минуту Лиза воротилась.

– Прошу, – и открыла дверь в гостиную.

Молодой человек сделал несколько шагов и застыл на пороге. Машенька была обворожительна, кругленькое личико с ямочками на алеющих щеках, волосы, собранные на голове в причудливую высокую причёску, несколько светлых локонов завитками спускались по вискам. Она улыбалась, обнажая белоснежную полоску зубов.

– А я не ожидала, что ты составишь мне компанию, – прожурчал лесным ручьев её голос.

Он молчал, позабыв её поприветствовать.

– Что стряслось?? – в миг её лицо преобразилось и на лице застыло выражение то ли внезапного удивления, то ли предчувствия беды.

– Я, – выдавил он из себя, потом подошёл к столу, дрожащей рукой налил из графина в стакан воды и выпил почти одним глотком. После того, как поставил стакан на место, продолжил, стараясь не встречаться глазами со взглядом девушки, – принёс скорбное известие, – и вновь замолчал.

– Что стряслось? Говори, говори, не молчи, – она вцепилась в подлокотники кресла, подавшись хрупкой фигуркой вперёд.

– Сегодня ночью произошло несчастье, которое непосредственно коснулось тебя.

– Сергей, – вскрикнула девушка, пытаясь подняться, но ноги не выдержали, и девушка рухнула, лишившись чувств.

– Помогите, – крикнул в отчаянии молодой человек.

Он не слышал, как гостиния наполнилась слугами.

Через несколько минут Марья начала шевелиться, бледность начала исчезать со щёк.

– Скажи, что с ним? – первое, что она смогла вымолвить.

– Сегодня ночью... – он отвернул взгляд в сторону, потом выдохнул едва слышно, – он мёртв.

Её глаза расширились от услышанного, но она не верила или не хотела верить.

– Что с ним? Скажи, не томи.

– Убит, – она восприняла слова молодого человека, как признание.

– Уйди, уйди от меня, – взгляд красноречиво говорил о её мыслях и чувствах, спустя некоторое время вновь сознание покинуло Марью.

Он не помнил, как схватил шапку и пальто, как выскочил на Литейный, едва не угодив под копыта лошади, которая шарахнулась в сторону. Он не осознавал, как пальто оказалось не только одетым, но и застёгнутым на все пуговицы, как шапка водрузилась на голову. Он ничего не видел и ничего не осознавал, только ноги несли по городу и дикие глаза Машеньки стояли перед ним, а в ушах звенел её голос «уйди от меня», «уйди от меня», «уйди».

Я же ничего не делал, в нем кричало желание оправдаться, а потом он остановился, словно упёрся в непроницаемую стену, я же не виновен. Это не я. Как мне доказать, что я не виновен, ведь она знала о моем чувстве и могла подумать. Я из ревности, о Боже! Зачем на меня свалился такой тяжёлый груз. Чтобы доказать свою невиновность, надо самому найти того человека со шрамом, рассекающим надвое бровь. Как его я смогу найти среди бесконечного количества живущих в столице?

Пойти в полицию. Что я им скажу? Что следил за женихом девушки, в которую влюблён, для того, чтобы доказать, что он недостоин Машеньки. Что у этого отвратительного человека на набережной Лиговского канала живёт любовница, к которой он ходит сразу же после визита к Залесским?

Не сочтут ли там меня душевнобольным?

К себе на квартиру идти не было сил. Сидеть в одиночестве среди четырёх стен, взаперти он побоится, ещё страшнее будет зажечь свет и ненароком увидеть в зеркале отражение своего лица с безумным взглядом, всколоченными волосами, уж лучше угодить в каталажку, провести ночь на тюремной койке среди питерских отбросов, чем услышать от любимой девушки «уйди», брошенное как бродячей собаки с долей немного презрения и откровенной брезгливостью.

В карманах наскрёб около целкового серебром и медью. Размышлять много не стал, а зашёл в ближайший трактир, даже не взглянул на название, устроился в углу, не сколько, чтобы побеспокоить кого—то своим присутствием, а скорее всего, чтобы никто не тревожил его. Сколько выпито, он не мог сказать. Противное хлебное вино через силу заставлял себя пить, чувствуя, что это и есть нужное лекарство от хандры, любви и боли. Был поздний вечер, когда он побрёл на свою ставшую постылой квартиру, в голове шумело и плыла перед глазами, от непривычного ощущения стало легко, казалось, какие свалились напасти да нет их и в помине, они исчезли где—то там, за дымкою, что окутывала взгляд. Легко идти, крылья за спиной и не важно, что шатает, как тогда на пароходе, когда плыли по Ладожскому озеру. Он хоть и был в нежном детском возрасте, но до сих пор вспоминаются большие волны, что били в борта, отчего судно вздрагивало и натужно скрипело, а маленький мальчик, начитавшийся Мерриота и Купера, грезил морями, приключениями, а здесь настоящий шторм. Вот бы попасть на необитаемый остров, как тот английский моряк, который потом встретил туземца, с которым испытали столько приключений. Молодой человек шёл, не чувствуя под ногами земли. как он не догадывался, что столь неприятная жидкость с отвратительным запахом так обостряет чувства. Я свободен от всего, хотелось вскрикнуть во все горло, но не хватало сил.

Глава пятая. Следствие в начале пути

Изучение Путилиным печатного слова прервалось на середине следующей статьи. Да и Бог с ней, невелико счастье узнавать очередную новость, что не пригодится даже с кем—нибудь поделиться. Довольно таки тихий, но в тоже время настойчивый стук нарушил добровольное заключение.

Не успел открыть рта, как поначалу в кабинет заглянула голова с нечёсаной кипой волос, а вслед за ней, как вода сквозь сито, просочился помощник Миша Жуков.

Как водится, Иван Дмитриевич изобразил на лице не очень приветливое выражение, чтобы с первой минуты дать понять – настроение желает быть более покладистым, но к великому сожалению таковым не является.

– Иван Дмитрич. – быстрым шагом он пересёк кабинет и без моего позволения плюхнулся на стул. В таких случаях становится очевидным, что Михаил Силантич Жуков прибыл—с с важными вестями и желательно его поскорее выслушать, ведь нельзя бить по рукам, не то можно отбить всякое желание думать головой.

– Я уделю тебе пять минут, только пять минут, так что докладывай кратко и самую суть.

– Мне удалось след, чтобы выяснить личность зарезанного, – он выдал на одном вздохе.

– Как? – искренне удивился начальник сыска, недоумевая как он мог это выяснить, ведь с минуты убийства прошло всего—то четыре—пять часов и к тому же в Лиговском Миши не присутствовал. Только потом осенило. Две недели тому у Обводного обнаружили убитого, тоже зарезанного ножом, но по отзывам врача, делавшего вскрытие, самым обычным ножом с односторонней заточкой. Найден он был около семи часов утра в рабочей одежде, в которой одета половина рабочего люда. Ни одной бумажки в карманах, ни какого намёка на личность убитого, ни одной мало—мальски пригодной ниточки, и никаких заявлений о пропаже. Становилось ясно, что обнаруженный – это приезжий без отметки в участке и становилось понятным, что выяснить его имя не представится возможным, хотя, как полагается, он был фотографирован: вдруг когда-нибудь представится случай найти человека, что его опознает. Но Миша упорный, Иван Дмитриевич отдавал должное голове помощника, сел и сопоставил протоколы обнаружения тела и вскрытия. Оказалось, что в желудке убитого непереваренный картофель. Жуков поехал к врачу, который пояснил, что убитый ел не просто варёный картофель, а в похлёбке и не когда—нибудь вечером, а за час до своей гибели. Мише пришла мысль, что убитый каждое утро заходил в одно и тоже заведение, чтобы перед работой набраться сил. Он установил несколько харчевен, постоянных дворов и съестных лавок, в которых бедному рабочему люду подавали такую похлёбку и вот уже почти две недели по утрам посещает их, разыскивая пропавшего земляка, что, мол, вместе пришли в город, а приятель взял да сгинул, будто нашёл занятие поденежной. Переодевается в кургузый неопределённого цвета пиджачок, брюки с вытянутыми коленями и до боли в ушах скрипучими сапогами, что считается непременной частью завершающего штриха. Путилин понимал, что помощника мутит от похлёбки, но настойчивость брала своё.

– В одной харчевне сказали мне, что захаживал мужичек, схожий по описанию, даже сказали, что у него одна из пуговиц на пиджаке больше остальных была, как у нашего убитого. За другими подробностями посоветовали обратиться к Фадейке Косому, – он хитрющими глазами посмотрел на меня.

– К Фадейке? – повторил Иван Дмитриевич. – К Косому?

– Так точно.

– Нашёл ты мне занятие, – пробурчал начальник, кивая головой. – Придётся самому навестить его. За что он у нас посажен?

– За кражу.

– Ах да! – Сделал вид, что вспомнил малого с косою саженью в плечах, не от сюда ли его прозвище? Глаза у него голубые, как небесный свод весенней порой, и нет в них каких—то изъянов. А взяли его по случайности, если можно так сказать. Фадейку я знаю лет пять, как он только в столице объявился Фаддеем Кондратьевым. Несмотря на высокий рост и богатырскую крепость, он ловок, как самая хитрая кошка. Компания приехавших из деревни крестьян продали с хорошим наваром свои товары, а вечером с туго набитыми деньгами кожаными поясами пришли в гостиницу и остались ночевать все в большой комнате. Утром оказалось, что почти все пояса с деньгами исчезли. Вором мог быть только кто—нибудь из самих торговцев, дверь была заперта на задвижку, а окна – с решётками, и, кроме того, они с прибытка решили устроить маленький пир, перед окнами стоял большой стол, заставленный посудой, бутылками и через который в темноте невозможно было перелезть, не произведя сильного шума, ведь вор не мог видеть в темноте. Заподозрили одного из менее надёжных сельчан. Обыск продолжался очень долго. В конце концов оказалось, что к ним подкатывал Фадейка, но они грубо ответили, чарку не налили, а он человек злопамятный и нрава мстительного. Он проник через решётку, не производя ни шума, отогнул её и два раза перелез через стол, не производя ни малейшего шума. Отогнутые прутья вернул на место, но следы на них оставил, вернее на рубахе от ржавого железа, видимо напряжился, когда протискивался сквозь неподобающую его стати щель. Он не дал деру с добычей, а так и остался в гостинице, наблюдая со стороны как односельчане выплёскивают друг на друга накопившуюся желчь. А так, как он давно находился под пристальным вниманием, помощник пристава решил его проверить и... в карманах оказалась вся добыча, Фадейка не соизволил даже выбросить кожаные пояса, в которых находились похищенные деньги. Да и отпираться он не стал, только посмеивался добродушной улыбкой, словно отомстил неразумным обидчикам. Сразу же взят под стражу и посажен в холодную. – Так, так...

– Иван Дмитрич! А может я сам, – он стушевался и умолк.

– Нет, Миша, Фадейка – тёртый калач, его голыми руками не возьмёшь, от тебя он запросто отделается прибаутками, – Путилин видел перед собою крайне недовольное выражение лица помощника, словно он проглотил живую лягушку, – ты не обессудь, но опыта допросного у тебя маловато.

– Я согласен с вашими словами, – и его голос дрогнул, выдавая желание довести дело до конца, ведь столько он потратил сил, выискивая по крупницам нужное для следствия. – Кондратьев больше Вам по зубам.

Уел, Михаил, уел, правда, этого в слух Путилин не произнёс, а сделал вид, что задумался, взвешивая на весах некие соображения.

– Не буду тебя разочаровывать, но найден второй труп, тоже зарезан, хорошо одет, но, к сожалению, без единого документа и похищенным бумажником.

– Где? – только и сумел выдохнуть Жуков.

– В Невском переулке.

– Это тот, что на Лиговский канал выходит?

– Совершенно верно.

– А нож?

– Остался в спине найденного. Хорошо, Миша, поезжай—ка, – озвучил своё решение начальник, – а где Фадейка прохлаждается?

– В Выборгской части.

– Там смотрителем господин Терентьев?

– Так точно, титулярный советник Терентьев.

– Езжай, допроси Кондратьева, надеюсь орешек окажется по твоим зубам. Так что ступай, жду с хорошими известиями.

Жуков вскочил, подброшенный со стула невидимой пружиной.

– Я мигом.

– Миша, – осадил его пыл, – в нашем деле спешка вредна. Допрос веди не кабы как, а так как я тебя учил: учтиво, сдержано, чтобы допрашиваемый открылся перед тобою, а не спрятался за стеною «не видел, не знаю, моя хата с краю».

– Иван Дмитрич, – на лице читалось с какой серьёзностью, мой помощник отнёсся к поручению, – я не намерен подводить Вас, – вот слова не мальчика, а мужа. Дай Бог, тебе, Михаил удачи!

– Ступай, – махнул рукой и, когда он повернулся, добавил ему в спину, – позови дежурного чиновника.

Дверь, тихонько скрипнув, затворилась, скрыв от моих глаз молодого помощника, с перспективной будущностью.

Сегодня дежурным по сыскному отделению состоял коллежский асессор Иван Андреевич Волков, состоящий одним из трёх чиновников для поручений, я приказал разослать посыльных для вызова штабс—капитана Орлова, находящегося постоянно при 1 участке Коломенской части, и надворного советника Ивана Ивановича Соловьёва, имеющего местопребывание на Большой Подъяческой. Сам же разложил на столе карту столицы и начал размышлять об улицах, на которых предстоит проверить заведения на предмет присутствия в них вчерашним вечером нашего убитого, хотя рано дую на воду, надобно получить бы протокол вскрытия и фотографии неизвестного, которые в обычном порядке делаются для предъявления родственникам, знакомым и иным личностям для опознания.

– Иван Андреевич, – обратился Путилин вновь к дежурному чиновнику, – попрошу Вас, как только прибудет первый из посыльных, отошлите его на Васильевский за протоколом вскрытия.

– Хорошо, Иван Дмитриевич, – произнёс Волков, – я распоряжусь. Могу быть свободным?

– Да, – тем и отличается военный человек от статского, штабс—капитан ответил только бы «так точно» и, чётко повернувшись, щёлкнул бы каблуками, направился исполнять приказание.

Ночью Иван Дмитриевич обратил внимание на руки убитого незнакомца, тогда показалось, а потом просто выросла в уверенность, что найденный чиновник одного из присутственных мест, ведь у военного на правой руке остаются места натёртостей, которые не проходят со временем, если даже он уходит в отставку. Кстати рабочий люд так не одевается, остаётся ещё один вариант, но довольно таки сомнительный, что убитый может быть мошенником или приехавшим из провинции молодым загулявшим человеком. Вопросы, вопросы, вопросы...

– Итак, господа, – обратился начальник к сидевшим чиновникам для поручений, – основным является установление личности убитого. Какие будут соображения?

Минутная тишина показала, что в головах зреют решения.

– Иван Дмитриевич, – первым нарушил невольное молчание Иван Иванович Соловьёв, находящийся четыре последних года в должности чиновника по поручениям. Его я выделил из сыскных агентов после формирования нашего отделения. Головой он не обижен и на его счёт не одна сотня раскрытых преступлений, кроме всего прочего надворный советник обзавёлся целым штатом осведомителей, которые серьёзно помогали в розысках. – Я согласен с Вашими соображениями, но я думаю стоит проверять не только заведения, но и дома, Вы говорите, что фотографии будут готовы, это облегчит нам поиски, – он склонился над картой, – я предлагаю начать с Владимирской площади, я с агентами направлюсь к Невскому и по Литейному к Малой Итальянской, далее к Надеждинской и по ней, – он показывал пальцем.

– Хорошо, – перебил своего сотрудника начальник, – а Ваше мнение, Василий Михайлович?

Штабс—капитан Орлов все не мог приспособиться к статской жизни, военная выучка – это на всю жизнь. Он пожевал длинный ус, что—то прикидывая в голове.

– Как я понял, найденный одет в дорогое партикулярное платье, выпил ли лишнего пока не известно, так?

– Так.

– Убит здесь, – Василий Михайлович показал указательным пальцем на карте, – в Невском переулке, значит... Как он лежал? – неожиданно спросил штабс—капитан, посмотрев мне в глаза. Поначалу Путилин не понял вопроса.

– Головой к каналу, выражение лица спокойное, будто не ожидал смертельного удара. В карманах пусто, но на ограбление не похоже, тем более, что заколот тонким лезвием с ручкой от трости, которая валялась рядом. Убийца не стал забирать с собой столь важную улику.

– Может он заранее готовился и трость похищена у другого человека?

– Вполне может быть.

– Далее, – продолжил Орлов, – предположим, незнакомец шёл к Лиговскому каналу, не вполне спокойному месту, изобилующему опасными личностями. Если он здесь живёт, то наверняка приехал на санях, а если пешком, то может быть здесь живёт дама, которую он навещает и не хочет, чтобы об их связи знали посторонние?

– Или он находился недалеко в заведении и решил пройтись, – дополнил Иван Иванович.

– Но как бы там ни было, неизвестный мог идти сюда, – Василий Михайлович указал на карте на дома, стоящие по правую сторону вдоль канала до Владимирского моста.

– А почему эти? – спросил Соловьёв.

Путилину стали понятны рассуждения бывшего военного, он посмотрел на начальника, который кивнул, чтобы он продолжил.

– Я думаю, что если бы ему нужны вот эти дома, он провёл пальцем по карте к Невскому проспекту, – то наш найденный прошёл бы до Знаменской площади и свернул на канал, но не стал так делать, значит ему нужно было в те дома, на которые я указал ранее. А по Новому он шёл из—за того, что он лучше освещён и на нем несут службу городовые.

– Понятно.

– Василий Михайлович, тогда я попрошу Вас начать проверку с указанных Вами домов, а Вы, – посмотрел на Соловьёва, – начните с Владимирского. Если соображения верны, то незнакомец мог следовать из заведения господина Палкина, – указал на карте на пересечение Невского проспекта и начало Литейного, – из ресторации господин Давыдова, Чванова, Дюре, – палец проехал по Владимирскому проспекту, – и далее либо по Кузнечному, Свечному или Стремянной на Николаевский и на Новый.

– Не надо исключать и Невский до Нового, – дополнил штабс—капитан.

Путилин кивнул головой.

– Надеюсь сегодняшние пути поисков определены.

Дробный стук раздался в дверь.

– Разрешите, – на пороге показался нынешний дежурный чиновник Волков. – Прибыл посыльный с протоколом вскрытия и фотографическими карточками, – сделал несколько шагов к столу протянул начальнику большой серый конверт и завернутую в льняную ткань трость.

– Благодарю, Иван Андреевич, – Путилин поднялся, принимая принесённое.

– Иван Дмитриевич, к четырём часам Вас просил прибыть помощник градоначальника господин Козлов.

– Хорошо, – невольно тяжело засопел, не взирая на воскресный день, Александр Александрович уже в присутствии и теперь начнётся незримый контроль за ведением следствия. – так, – протянул чиновникам по поручениям фотографические карточки, – вот вам для опознания, а это посмотрите оружие убийства, – подал Орлову трость, сам же пробежал глазами протокол, потом сел за стол и начал заново перечитывать, присланный из анатомического театра документ:

«1873 года, декабря 15 и. д. судебного следователя 1 участка Московской части г. Санкт—Петербурга С. Терещенко в анатомическом театре Императорского университета в присутствии понятых, через санкт—петербургского городского врача Н. Карпинского произвёл судебно—медицинское вскрытие трупа неизвестного, при чем оказалось:

Наружный осмотр. Труп лежит в секционном зале судебно—медицинского кабинета на столе, на спине, одетый в чёрный шевиотовый пиджак, такого же материала жилетку, застёгнутую на все пуговицы, в белой шёлковой рубашке с расстёгнутой верхней пуговицей на вороте и ослабленном красном галстухе, брюки опоясаны кожаным ремнём с серебряной пряжкой, на которой изображена голова тигра с раскрытой пастью, кожаные ботинки зашнурованы и завязаны аккуратными узлами. На вид покойнику около 30 лет, длина трупа 2 аршина 8 вершков, телосложения среднего. трупное окоченение исчезло, трупных пятен почти нет, волосы на голове около полувершка. Соединительная оболочка век и глаз бескровна, роговица тусклая, зрачки равномерно расширены, уши и нос целы, наружные слуховые проходы, ноздри и губы чистые.

Повреждения: после того, как осмотрены мягкие покровы головы под волосами, ранения не обнаружены.

На левой стороне спины по лопаточной линии между четвертым и пятым ребром прокол шириной в половину вершка. Больше повреждений не обнаружено.

Внутренний осмотр. Подкожная клетчатка бедна жиром, мускулатура красного цвета.

Органы шеи и полость рта. Правая сонная артерия не повреждена, слизистые оболочки пищевода и дыхательных путей также не повреждены и без кровоизлияний, хрящи гортани и подъязычная кость целы, полость рта чиста, язык не повреждён, слизистая оболочка губ синего цвета.

Грудная полость. На поверхности сердца с задней стороны имеется прокол, который соединяется зондом с проколом на левой стороне спины между четвертым и пятым ребром, длина прокола 4 вершка.

Брюшная полость. Левая и правая почки не повреждены, корковый слой бледно—вишнёвого цвета, фиброзная капсула снимается легко. Желудок умеренно расширен, в полости его около двух стаканов жидкости, содержимое бурого цвета, в котором имеются непереваренные куски мяса, сыра. Кишечник болезненных измерений не представляет. Мочевой пузырь пуст.

Черепная полость. Внутренняя поверхность мягких покровов черепа не повреждена.

Позвоночник вскрытием не повреждён. Левая сторона грудной клетки, сердце с частью лёгкого взяты в музей при судебно—медицинском кабинете, а пиджак, жилетка, рубашка и предмет с двуострым лезвием и деревянной ручкой коричневого цвета, явившимся орудием убийства, приобщены к делу в качестве вещественных доказательств.

Орудие убийства приложено в качестве вещественного доказательства.

И.д. судебного следователя С. Терещенко

Городской врач Н. Карпинский»

Чтобы не тратить время на чтение каждым из чиновников присланного протокола Путилин прочёл его вслух, тем самым более внимательно отнёсся к последней части.

— Каковы будут предположения?

— Иван Дмитриевич, о том же мы разговаривали некоторое время назад. Наш убитый был пьян, — Соловьёв смотрел в карту, — Василий Михайлович прав, нужно искать и в ресторациях, хотя если убитый не постоянный посетитель, то может ничего не дать.

— Кроме того, — мягко перебил его штабс—капитан, — что был ли он в одиночестве или с кем—то в компании.

— Убедительный довод, — согласился Иван Иванович, — но предположение о Лиговском канале более предпочтительно.

– Согласен, что Вы скажете о трости?

– Забавная вещица, – сжал губы Орлов, рассматривая рукоять трости. Нажал на выступ на торце и пружина вытолкнула клинок, который он едва поймал. – Оригинально, – улыбнулся он, – в случае опасности держишь за рукоять, ударяешь потайной кнопкой о твёрдую поверхность, можно о самого себя, и оружие готово либо к обороне, либо нападению.

– Вам не встречалось подобное?

– Всякие видел, но такую впервые.

– Тогда прошу заняться розысками.

– Так точно, – резко встал Василий Михайлович, военный – есть военный, приказ не может быть обсуждаем, сколько лет в сысчной полиции, а характер, заложенный в армейской среде, проходит красной нитью по жизни. Вслед за ним в задумчивости поднялся Соловьёв, как происходит с ним всегда, когда он погружается в новое дело.

Предупредив дежурного чиновника об отъезде, Путилин направился в 1 участок Московской части, где узнал, что господин Афондик продолжает болеть. Ночной выезд только добавил здоровью проблем, но начальника сыска радушно встретил его помощник Григорий Михайлович Андреев. Когда ему доложили о приходе, ротмистр встретил Путилина у двери кабинета.

– Здравия желаю, Иван Дмитриевич! Рад видеть Вас в нашем участке. Прошу— распахнул перед ним дверь, – Василий Иванович предупредил меня о Вашем визите.

– Да, – произнёс Иван Дмитриевич, – так только скорбные события способствуют редким встречам.

– Вы правы, – поправил он рукою усы, – живём, живём, а встречаемся только по поводу расследований.

Григорий Михайлович прав, одним по одним улицам, бываем в одних и тех же заведениях, театрах, но видимся крайне редко и то по поводу, как нынешний, кровавы.

– Как самочувствие? – Путилин без приглашения сел на стул.

– Благодарю, пока не жалюсь.

– И то хорошо, – протянул помощнику пристава большой конверт с приготовленными бумагами и фотографией для городских и околоточных.

– Разрешите? – Григорий Михайлович взял конверт.

– Для этого и привезён.

Ротмистр Андреев взял протянутое и с интересом углубился в чтение протокола.

– Любопытно, – произнёс он, хотя сказанное слово частенько употребляет не к месту, ныне Путилин не понял его высказывания и взлетевших вверх бровей.

Не стал нарушать его раздумий, Григорий Михайлович долго смотрел на фотографическую карточку убитого, словно пытался что—то вспомнить.

– Лицо мне кажется знакомым, но, увы, не в состоянии вспомнить, где я мог его встречать? – Андреев отвёл взгляд от фотографической карточки, но спустя минуту вновь обратился к ней. – Досадно, к моему сожалению, не помню, – покачал головой.

– Сотрудники по поручениям расспрашивают на Вашем участке об этом господине, – указал пальцем на карточку.

– Иван Дмитриевич, какое нужно содействие от нас?

– Если мои сотрудники не сумеют опознать убитого, тогда я буду вынужден обратиться к Вам. В первую очередь могу предположить, что на Вашем участке проживает дама нашего незнакомца и поэтому пока ведём розыск здесь.

– Может быть городские, дворники...

– Григорий Михайлович, не беспокойтесь. Я Вас буду оповещать обо всем, что мы сможем узнать.

– Распоряжусь околоточным, чтобы занялись розысками. Вы позволите оставить фотографию.

- Да, но протокол я вынужден забрать с собою.
- Давно на участке не бывало кровавых преступлений, – посетовал помощник пристава, – мордобой, грабёж, воровство каждый божий день.
- Слишком много на Вашем участке дешёвых трактиров, харчевен, где собираются опасные люди, а и тянет в столицу, словно мёдом намазано.
- Иван Дмитриевич, сколько не делаем проверок, меньше их не становится.
- Город растёт, вместе с тем едут сюда искать счастья со всей России, но не каждому оно даётся в руки, а жить хотят все, притом хорошо жить.
- Возразить невозможно.
- И не нужно, – Путилин поднялся со стула, – Григорий Михайлович, если появится что —то новое по делу об убийстве, пришлите посыльного. Буду благодарен за всякое содействие.
- Непременно.

Глава шестая. Светская беседа в комнате допросов

Прежде, чем ехать для проведения допроса в частный полицейский дом на набережную Большой Невки, где располагалась Выборгская часть, Михаил переоделся в мундир, чтобы предать солидности молодым годам. Форменный китель тонкого темно—зелёного сукна сидел, как влитой, и не узнать в подтянутом солидном человеке молодого губернского секретаря, чиновника XII класса по табелю рангах, младшего помощника начальника сыскной полиции столицы.

Извозчик на счастье ли или беду попался бойкий, всю дорогу развлекал прибаутками, но Жуков его слушал краем уха и не все понимал, половину слов уносил ветер., не до веселья было. Он и не заметил, как проскочили по случаю раннего времени пустынный Невский проспект с редкими прохожими, Дворцовую набережную, оставляя позади Зимний и Мраморный дворцы, потом ещё одну набережную – Гагаринскую с прекрасным зданием, где располагались казармы 1 бригады лейб—гвардии Конной артиллерии, проскрипели по деревянному настилу возводящегося только в зимнее время Литейного моста. Двухэтажное здание Выборгской части с выцветшими светло—зелёными стенами и белой окантовкой окон предстало в одночасье, словно и не было четверти часа, когда морозный ветер хлестал острыми иголками по лицу и приходилось молодому сотруднику сыскной полиции его прятать за воротником темно—серой шинели. Не вышел, а молодецки выпрыгнул из саней, спасаясь от мороза, быстрым шагом двинулся ко входной двери, задев при этом непривычно висящей на боку саблей припорошённую снегом деревянную мостовую. После двухнедельных скитаний по харчевням и трактирам, где стоял постоянный неприятный запах пережаренных продуктов, прогорклого масла и едкий запах застарелого людского пота, Михаил ощущал себя слишком уставшим. Сквозь не приятную тяжесть в желудке от каждодневного потребления не только похлёбки, но и подгоревших каш, приправленных льняным маслом, помощник Путилина хоть и мучился, но чувствовал охотничий азарт, что расследование, которое вёл собственным умением, близится к завершению.

Жуков поправил шинель, опустил поднятый воротник и молодецким шагом направился в участок.

– Здравия желаю! Поручик Минкевич, – представился вошедшему чиновнику дежуривший в этот воскресный день неизвестный Михаилу человек, который покосился на отличительный знак невысокого чина Жукова, добавил. – Чем могу служить?

– Здравия желаю! – ответил Михаил, вскинул руку к головному убору. Не так часто приходится щеголять отработанным жестом. – Помощник начальника сыскной полиции Жуков. Я собственно по делу об убийстве. В вашем участке находится задержанный Фаддей Осипов Кондратьев, который способен прояснить некоторые обстоятельства.

– Так точно, есть такой.

– Мне необходимо с него снять показания, – он расстегнул шинель и достал из внутреннего кармана кителя бумагу, – вот разрешение на производство допросных мероприятий.

– Прошу, – поручик после прочтения поданной бумаги показал рукой, – пройдёмте в допросную камеру.

Жуков последовал за дежурным по длинному коридору, поручик отворил железную скрипнувшую дверь.

– Подождите в камере, я сейчас доставлю Кондратьева.

Михаил прошёл в открытую дверь. Камера была небольшой четыре на четыре аршина, под потолком располагалось небольшое зарешётчатое окно. Два стола, прикрученных к полу, один для делопроизводителя, что должен вести протокол допроса, и второй, по обе стороны которого стояли два стула – для следователя и допрашиваемого.

– Господин Жуков, – раздался голос дежурного и был введён задержанный Кондратьев. Сразу же показалось, что камера стала вдвое меньше. Богатырская фигура заслонила собой дверь. Точно гласит народная мудрость – косая сажень в плечах.

Михаил улыбнулся при мысли о том, как этот медведь влез к несчастным крестьян, не произведя ни единого постороннего звука, пробрался по заставленному посудой столу, вернулся назад и все проделал в кромешной темноте.

– Прошу. – Михаил указал маленькой рукой, как казалось в сравнении с лопатой Кондратьева, на стул.

Фаддейка сел и голубыми глазами начал рассматривать тшедушную фигурку молодого человека в мундире, как ему показалось.

– Моя фамилия Жуков, – представился он, – я помощник Ивана Дмитрича Путилина.

– Нижайший поклон любезному Иван Митричу, – улыбка разлилась на лице задержанного, – давненько с ним не встречались, хотя, по чести сказать, нет особого желания попадать в его цепкую хватку.

– Передам непременно.

– Так какое ко мне дело, господин хороший, – начал без предисловия Фаддейка, – не нравится мне хождение вокруг да около. Я человек простой, мне сразу выложь без виляния, получи по чести ответ и с Богом.

– Если не нравятся тебе хождение по пустому, то тут такое собственно дело, – Михаил запнулся, обдумывая свои следующие слова, принял решение и сел напротив Кондратьева, положив руки на стол, тяжело вздохнул, – до ареста ты, наверное, слышал, что недалеко от харчевни, что ты посещал в последнее время, – он произнёс название харчевни для рабочего люда, – найден зарезанный человек.

– Может слышал, может нет. Не знаю. Мало ли чего происходит в наших краях.

– А говорил, что без околочностей?

– Какое дело меня не касается, господин хороший, так оно мне без надобности, – пожал плечами Кондратьев.

– Хорошо, – Михаил достал из кармана фотографию и протянул Фаддейке, тот внимательно посмотрел, поначалу положил на стол, потом вновь взял и поднёс к глазам, прищурился, словно силился вспомнить.

– Постой. Да это ж Гришка?

– Откуда его знаешь?

– Так за чаркой, как водится, и познакомились, – вскинул вверх брови, удивлённым взглядом впился в лицо Михаила, словно внезапно озарило, – так это его?

– Да.

– Вот дела, – присвистнул Фаддейка, – он же к себе в деревню собирался, подкопил, говорил, денжат то ль на коровёнку то ль лошадь, я уж не припомню. Пора, говорил, домой, надоел город, душа в деревню рвётся. Вроде бы не дрянь человек был. Да уж.

– А когда он собирался возвращаться?

– По весне, как раз к севу. Соскучились, говорил, руки по земле.

– Может и фамилию его припомнишь?

– Постой—ка, – он повернул в сторону голову, зашевелил губами, произнося что—то беззвучно, пальцами поскрёб щетину. – Говорил же он, говорил, ей Богу, говорил. У нас, говорил, в роду... в их роду... да, то ли Евсеев, то ли Еремеев. У нас в роду младшие всегда в город подавались. Точно, Еремеев, – он от радости даже ударил себя по ногам.

– Значит Григорий Еремеев.

– Точно, – задержанный засмеялся и вновь ударил себя по ногам, – Григорий Еремеев.

– Не путаешь.

– Чего мне путать? Все одно дознаетесь? А мне скрывать нечего.

- О смерти его ничего не знал?
- Да что вы, господин хороший, от вас я услышал о его смерти.
- Может ты вспомнишь и откуда он?
- Помню, из гдовского уезда, деревня ещё с таким названием, словно... Во, из деревни Молва, Молва, – повторил он, – так мы тогда посмеялись, что запоминать просто, прибавь к молве «сам» и получится Самолва. Оттуда он, точно из тех мест.
- Так сразу его и запомнил?
- Хорошего человека не забудешь.
- Михаил задумался и с хитринкой спросил
- Не слышал кто мог пойти на злодеяние?
- Господин хороший, мне дел своих хватало, а совать в чужие мне не досуг, можно и без своего остаться, так что мне без особой надобности.
- Сказать боле ничего не можешь?
- Вы б, господин хороший, у Васьки узнали прежде, чем меня тревожить.
- У Васьки?
- Точно так, они земляки, из одной деревни приехали. Может он что знает.
- Его фамилия?
- Истинный крест, – он перекрестился, мне не ведомо.
- Может ты в этом деле завяз.
- Окстись, господин хороший, зачем мне надо?
- А не врешь? – твёрдо спросил Михаил, глядя в глаза Фаддейке.
- Отсохни язык, – перекрестился быстрым движением Косой, – да и что мне за надобность во врать?
- Ой ли? – сощурил правый глаз путилинский помощник. – Так уж и не врешь?
- Сказано, не до вранья мне.
- Смотри, Фаддей, – и Жуков продолжил смотреть в лицо собеседнику, не моргая, – все ты сказал верно?
- Тьфу ты! Вот увязался! Сказал же, не знаю более, а что было, то Вы ж слышали, господин хороший.
- Как говорится, доверяй, но проверяй. Говоришь, его звали Гришка Еремеев из деревни Самолва Гдовского уезда?
- Ваша правда.
- Второго звали Васькой.
- Истинная правда, – Фаддейка перекрестился, – Васькой.
- И приехали они из одной деревни?
- Кондратьев смотрел небесными глазами и промычал «угу».
- Как выглядел Васька—то?
- Две ноги, две руки, голова с ушами.
- Не юродствуй.
- Роста небольшого, неприметный какой—то. Во, – обрадовался допрашиваемый, – если присмотреться, то ногу он приволакивал, а вот какую не припомню.
- А мог Васька Еремеева того?
- Чужая душа потёмки, а что там, – он вздохнул, – кто знает. Хотя Васька мне с хитрицей показался, молчал больше.
- Может наговариваешь?
- На что мне! Нешто я зверь бесчувственный! – Фаддейка даже руками замахал. – Мне без убийства дел хватало, сколько в наших краях купцов развелось да крестьян с открытой vareжкой. А ты, господин хороший, найди душегуба. Больно Гришка добрый был.
- А ты чего полез решётку отгибать?

– Обидели меня сильно, вот кровь и взыграла от глупости.

Жуков вызвал дежурного чиновника, чтобы тот отправил Фаддейку в камеру.

На обратном пути Михаил заехал в адресную экспедицию, чтобы наверняка узнать о Гришке Еремееве, откуда приехал и кто такой. Оказалось в самом деле, он приехал из гдовского уезда деревни Самолва. Теперь, когда личность убитого установлена, необходимо найти его земляка Василия, а там и убийца замаячит. Михаил летел на Большую Морскую на крыльях хорошего настроения, казалось немного и дело завершится. Но по дороге, словно обухом по голове, и он направился по месту жительства, где узнал, что недели две, как тот исчез, даже прикрепительный талон не взял. Да бывал у него односельчанин Василий, небольшого росточка, с сединой в волосах, бородой и всегда молчаливый.

Когда вернулся в сыскное, Ивана Дмитриевича не было в кабинете, как сказал Иван Андреевич, сегодняшний дежурный чиновник, его вызвал с докладом о ночном происшествии помощник градоначальника флигель— адъютант генерал—майор Козлов. Здесь же Михаил узнал, что следствие по убийству в Невском переулке идёт полным ходом. Агенты, возглавляемые чиновниками по поручениям заняты выяснением личности убитого. Хотя охотничий азарт Жукова угас, но чувство скорой победы не покидало ни на миг. Шутка ли, две недели утренних поисков. Надо было втереться в доверие, чтобы тебе что—то поведали, иначе смотрели бы на расспрашивающего, как на полицейского агента. А в тех заведениях и местах не очень настроены для общения со стражами закона, при том на приватную беседу с откровениями.

Михаил задумался, что предпримет Путилин в связи с открывшимися новыми обстоятельствами. Особенно после посещения высокого начальства, которое привыкло к победным реляциям, а не к досадным промахам подчинённых. Жуков достал из кармана сложенный лист бумаги, на котором ровными рядами выстроились с завитушками буквы. Прикусил губу и махнул рукой, один ответ и, предупредив дежурного чиновника об отлучке, поехал к Александро—Невской лавре, где убиенный Григорий Еремеев снимал в пятиэтажном доходном доме угол.

Не взирая на дневной час, всего то около четырёх по полудни, на улице начало смеркаться.

Прежде, чем войти в дворничью, Жуков кинул взгляд на серые облака, которые повисли над городом густой пеленой и только кое—где на западной стороне неба разорвались и зарумянились бледно—розовым цветом заката.

Дворник высокий худой человек с редкими длинными волосами на подбородке пил в прикуску чай, отхлёбывая обжигающий напиток из небольшой пиалы.

– Здравия желаю, – он поднялся со стула.

– Здравствуй, – Михаил осмотрелся, имея намерение присесть, но не заметив ничего подходящего, остался стоять. – Я из сыскальной полиции, фамилия моя Жуков, зовут Михаилом Силантьевичем.

Дворник с аккуратностью поставил пиалу на стол.

– Мы всегда помощники полиции, – произнёс он с едва заметным акцентом.

– В доме проживал некий Григорий Еремеев?

– Так точно, на пятом этаже, но съехал он, недели две как будет.

– Он сам съехал?

– Никак нет, приятель ихний Василий вещи забрал по просьбе Гришки.

– А Василий часто здесь бывал?

– Не так, чтобы часто, но захаживал, там, – он указал пальцем вверх, —в комнате много не насидишь, там другие жильцы крайне недовольны и не очень жаловали проходящих. Он во дворе его иногда ждал.

– А фамилию его не знаешь.

– Никак нет, не интересовался я ихнёю фамилиёю, да и не к чему было.

– Понятно, а кто с Василием ещё дружбу водил.

Дворник пожал плечами.

– А что ещё о нем знаешь?

– Да вроде как земляки.

– Кто ещё мог знать Василия?

– Не общался Гришка ни с кем, придёт под ночь, спать завалится, а с утра на заработки.

Так целыми неделями.

– А где жил Василий?

– Не знаю, слышал где—то в Коломне.

– Понятно. А как он выглядел?

– Дак обыкновенно, усы, борода, росточка небольшого, когда быстро шёл, то ногу при-
волакивал, а вот какую, не помню.

– Значит в доме никто не мог его знать?

– Это в точности говорю, никто.

– Хорошо.

Михаил после разговора все же поднялся на пятый этаж по грязной лестнице, на которой словно на толкучем рынке выставлен то ли ненужный хлам, то ли вещи, которые негде пристроить в комнатах. Ничего нового Жуков не узнал: приходил Еремеев поздно вечером, вставал рано утром, никто у него не бывал, гостей не водил, жил одинокой совой, говорил мало, иной раз даже не здоровался, так все молчком да тишком.

Глава седьмая. Наставления воскресного дня

Без пяти минут три пополудни Путилин находился в приёмной помощника градоначальника генерал—майора Козлова. В воскресный день она была пуста, только адъютант томился от безделья, перекладывая на столе бумаги с левого края на правый. На его лице появилась улыбка.

– Добрый день, Иван Дмитриевич!

– Как он? – поинтересовался настроением вышестоящего начальства.

– Я бы не сказал, что плохое.

– Понятно.

Адъютант поднялся из—за стола и на ходу бросил:

– Доложу о Вас, – и скрылся за дверью.

Через некоторое время появился вновь.

– Прошу, – ступил шаг в сторону, пропуская меня.

Александр Александрович сидел за большим столом, посередине которого возвышался пегас, грозящий каждую минуту вспорхнуть крыльями и улететь в пасмурное петербургское небо. Иван Дмитриевич знал, этот чернильный прибор подарил помощнику градоначальника Его Величество Александр Николаевич за усердную службу на пользу государства. За спиной генерал—майора возвышался и сам Самодержец в ладно скроенном гвардейском мундире, смотрел выразительным картинным взглядом начальника сысской полиции, словно в самом деле лично присутствовал на аудиенции, которой Путилин, однако, не просил, но был настоятельно приглашён.

– Добрый день, Иван Дмитриевич! – приветствовал начальника с улыбкой на лице господин Козлов. После того, как в столице должность обер—полицмейстера с Божьей милостью устранена и переименована в апреле сего года в градоначальника, присутствию данного ведомства прибавилось дел.

Хотя улыбка и освещала лицо Александра Александровича, но на нем появилось выражение крайней усталости, глаза не сияли тем молодецким блеском, с которым он отпускал весьма фривольные шутки.

– Присаживайтесь, – указал на стул помощник градоначальника.

– Благодарю! – в ответ сказал Путилин и с удобством устроился на предложенный стул. Если получать очередную порцию неллицеприятных слов о службе, так хотя бы с определённым комфортом. В руках держал чёрный кожаный портфель, в котором находятся необходимые в таких аудиенциях документы.

– Иван Дмитриевич, я не буду интересоваться ходом расследования ночного происшествия, – после этих слов господин Козлов сжал губы так, что они побелели, затем продолжил, – ибо знаю, как трудно начинать следствие с неизвестного трупа, но возникают некоторые неотложные вопросы по службе.

– Я слушаю, – стушевался Иван Дмитриевич, называть его воинским званием или именем – отчеством, это всегда зависело от настроения генерал—майора.

Он сделал вид, что не заметил конфуза начальника сыска, придвинул к себе подготовленный лист бумаги.

– За нынешний год в столице произошло семнадцать драм, закончившихся кровавыми жертвами, из которых, – помощник посмотрел уставшим взглядом в глаза Путилина, – только в десяти найден убийца, далее совершено разбоев... Продолжить.

– Не надо, Ваше

– В чем причина столь плачевных результатов? Агенты почувствовали послабление, – камешек размером с памятник Петру Первому в огороде сысского отделения, – или Вы захотели

наводнить столицу разбойниками да убийцами? Ваши заслуги я не умоляю, что и те награды, которыми Вы, милостивый государь, отмечены Его Величеством, но скажите на милость, что происходит с сыскной полицией? – он постучал указательным пальцем по лежащей на столе бумаге.

– Ваше Превосходительство, чиновники сыскной полиции не прекращают борьбы с преступниками, – Иван Дмитриевич увидел, как господин Козлов поморщился, словно от зубной боли.

– Полно Вам, Иван Дмитриевич, – он отмахнулся, – я не намерен обвинять Ваше ведомство в небрежном отношении к производству следствия, мне самому хочется разобраться в сложившейся обстановке. Этот город поручен моему вниманию и я намерен сделать зависящее от меня для искоренения преступлений. Это понятно?

– Александр Александрович, меня удивляют Ваши слова, – Путилин не смел повышать голоса на своего начальника, но голос самую чуточку дрожал от огорчения, что его выговаривают, словно нашкодившего ребёнка, – да, преступлений становится больше, но число приехавших в столицу возрастает. В столицу с начала года прибыло почти сорок тысяч человек, это только за один год, а со дня образования сыскаго отделения в него не прибавилось ни одного чиновника, Посудите, Александр Александрович, я говорю не в оправдание, но зачастую мы не в состоянии всюду поспеть.

– Я вызвал Вас не для того, чтобы делать выговор, мне важно решить, чем департамент градоначальника может помочь Вашему присутствию.

– Господин Козлов, – не надо было много времени для размышления, – численность агентов необходимо увеличить, кроме этого мне необходимы средства для привлечения тайных осведомителей, без которых нам невозможно обойтись.

Помощник градоначальника карандашом, что держал в руке, постучал по столу, перебивая Путилина и тем самым показывая, что увеличение штата сыскаго присутствия пока невозможно, но он постарается донести в свою очередь своему высокому начальству просьбу Ивана Дмитриевича.

– Не буду настаивать на сведениях о ночном происшествии в Невском переулке, но все же, что можете о нем сказать?

– К сожалению, я должен выяснять личность убитого, как понимаете без фамилии я не могу двигаться вперёд, хотя могу сказать, что убийство совершено не местными разбойниками и для этого утверждения у меня есть определённые основания.

– Чем ещё можете порадовать?

– Две недели тому на Эстляндской улице найден зарезанный рабочий, там следствие располагает сведениями об убийце, – Путилин, конечно, слегка лукавил, но надо подсластить сегодняшнее недовольство в департаменте градоначальника, – кражи на Съезжинской, Литейном, Старом Петергофском, – теперь начальник сыска не лукавил, а говорил истинную правду, перечисляя улицы, где достигнута конечная цель – арестован злоумышленник.

– Похвально, но с Вас не снимает ответственности за порядок в столице.

– Я...

– Будет Вам, – перебил осипшим голосом и с каким-то потерянным видом, – я понимаю Ваши трудности, каждый из нас приносит пользу отечеству в меру своих сил, но спрос с градоначальника больший, чем с Вас, любезный Иван Дмитриевич, поэтому возникла необходимость в преобразовании сыскаго полиции. Мы более Вас заинтересованы в искоренении преступлений.

– Александр Александрович, разрешите высказать некоторые соображения.

– Я Вас слушаю.

Почти четверть часа Путилин высказывал наболевшее, если бы не интерес помощника градоначальника, то он непременно держал соображения при себе, зачем сотрясать воздух,

беспокою начальство бесполезными словами, но Ивану Дмитриевичу показалось, что господин Козлов не из праздного интереса выуживал сокровенные мысли, что пропущены не только через разум, но и через боль в сердце.

– Ваши слова отчасти верны, – помощник снова постучал карандашом по столешнице, – но, увы, с некоторыми соображениями я не вполне согласен. Мне не хочется обсуждать их сегодня, поэтому, Иван Дмитриевич, я попрошу Вас изложить в рапорте и представить его в течении трёх дней. Да, – он в задумчивости прикусил нижнюю губу, потом озабоченно произнёс, – как обстоят дела с фальшивыми ассигнациями?

– К сожалению результатов нет.

– Иван Дмитриевич, сии бумаги добрались до столицы. Прошу пристального внимания. Государь обеспокоен этим безнаказанным безобразием.

– Больше не смею Вас больше задерживать.

– Благодарю, – Путилин направился к своему кабинету, с одной стороны находится с вышестоящими начальниками в одном доме лестно и далеко не надо направляться для докладов, но, когда висит дамоклов меч, не слишком приятно для ведения некоторых следственных дел, которые начинают иногда будоражить столицу жестокостью, тогда близость к начальству становится пыткой, ибо ежедневные доклады выматывают более, чем сидение холодной ночью в засаде или переодеваться, как заправскому артисту либо в бродяжки лохмотья, либо в купеческое одеяние.

Дежурный чиновник доложил, что известий от Орлова и Соловьёва не поступало, зато Жуков появился в сильном волнении, несколько минут подождал в дежурной, а затем спохватился, словно приспичило в одно место с расстройством желудка, предупредил, что отлучится в Александро—Невскую часть по следственному делу об насильственном лишении жизни крестьянина Еремеева.

– Хорошо, – кивнул Волкову, – вот что, как только появятся агенты от господ Орлова и Соловьёва, незамедлительно их ко мне.

– Будет исполнено, Иван Дмитриевич!

Путилин поднялся в кабинет, находящийся на втором этаже, Значит Михаилу удалось узнать некие обстоятельства, что расследование начало галопом скакать в сторону завершения. Путилин был рад за помощника, который не смотря на молодые годы имеет столь нужную в нашем сыском деле хватку.

Горше нет часа, когда приходится ждать некоторых результатов, ведь в настоящую минуту дело об убийстве Еремеева имеет очертания. Это, как на холсте у художника, на белоснежном поле вдруг проявляются цветные беспорядочные полоски и с каждым новым мазком картина обретает свою жизнь, наконец она превращается в лес, в поле, в человека. И начинаешь удивляться волшебству обычной кисти, зажатой в талантливых пальцах.

Ивана Дмитриевича беспокоило не только убийство в Невском переулке но и во всей столице. В самом деле с каждым годом количество преступления растёт, человек отрывается от земли, ищет лучшей жизни в городе, а там нет той помощи, на которую мог понадеяться в родной деревне, там много мошенников, готовых обманым путём выманить последние деньги, а жить—то надо, кушать все хотят, вот и идёт приехавший на преступление. Хорошо если отнимет деньги, а если и того хуже кровь пустит. А кто ту тонкую грань переступит, так не останавливается, лёгкие деньги жгут руки.

Придя в кабинет, Путилин засел за написание черновой записки, в которой помощник градоначальника просил изложить мои соображения по искоренению преступности в столице, ведь Санкт—Петербург – это зеркало империи.

Несколько часов никто не тревожил, так что записку почти успел закончить. Раздался стук и подле двери остановился Жуков, не имея смелости пройти к столу, переминаясь с ноги на ногу. По его виду Путилин понял, что разговор с Фаддейкой произошёл с успехом для

Михаила. Иван Дмитриевич с самого начала не верил, что вор способен пролить кровь, ведь Косого начинало мутить от одного вида крови, но человек не предсказуем, вдруг переменялся Кондратьев теперь ему лишить жизни, что курёнку голову оторвать.

На лице Михаила застыла маска усталости, но горящий блеск в глазах выдавал крайнюю степень удовлетворения прошедшим днём.

– Иван Дмитрич, – и он, глотая слова, дал краткий отчёт прошедшему дню, – я имею уверенность, что либо названный Василий имеет непосредственное отношение к убийству, либо может прояснить сложившееся положение, ведь Еремеев ни с кем дружбы не водил.

– Ты прав, но помысли в таком ключе, – произнёс начальник сыска, опуская помощника на землю, – да, ты установил личность убитого, ты узнал, где он проживал, с кем приехал. А вдруг убийство – простой грабёж, тогда тебе не удастся найти злоумышленника?

– Я думал над таким исходом дела, – сощуриив глаза, Михаил посмотрел на Путилина, – мне кажется, что Василий имеет непосредственное отношение к убийству. Тогда почему он не заявил об односельчанине, ведь наверняка слышал об убийстве? А вместо этого поехал на квартиру и забрал принадлежащие Еремееву вещи?

– Здесь поспорить не могу. Ты думаешь он уехал в деревню, – Иван Дмитриевич заглянул в бумагу, – Самолва.

– Да, мне кажется, Василия нужно искать там или по крайней мере будет известна фамилия, а по ней в адресной мы найдём и самого разыскиваемого.

– Насколько я понимаю, ты хочешь выехать в Гдов.

– Совершенно верно.

– Почему не послать депешу в уездное управление?

– Они начнут выяснять и этот Василий может насторожиться, а там, если он виновен, ищи его по России.

– Спорить не буду, – Путилин достал из нижнего ящика стола памятную книжку «Санкт—Петербург весь на ладони» за прошлый 1872 год, полистал его и остановился на странице приложения под номером LI, – так, до Гдова удобнее добираться через Псков, на пятичасовой ты не успеешь, а вот на тот, что отходит в одиннадцать ты успеешь, прибывает он в Псков поутру, в десятом часу. Таким образом успеешь отдохнуть в дороге, собирайся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.